ДАНИЭЛА

СТИЛ

ЗОЯ

ЭКСМО

Даниэла Стил

Зоя

«Эксмо»
1988

Стил Д.

Зоя / Д. Стил — «Эксмо», 1988

Книги популярной американской писательницы известны читателям всего мира. Роман «Зоя» особенно интересен русским читателям. Его героиня – княжна Зоя Юсупова, дальняя родственница последнего русского царя Николая II. Блестящая судьба ждала юную княжну – в России ее фамилия и красота открывали любые двери. Но все рухнуло в одночасье. Оказавшись за границей, Зоя мечется в поисках работы, человеческого тепла, любви. В ее жизни было все – столица мира Париж с его соблазнами и очарованием, символ успеха и преуспевания – Нью-Йорк, были потери и обретения и большая любовь, свет которой озаряет всю ее жизнь...

© Стил Д., 1988
© Эксмо, 1988

Содержание

Часть I 5
Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 21
Глава 4 27
Глава 5 31
Глава 6 36
Глава 7 39
Часть II 41
Глава 8 41
Глава 9 46
Глава 10 51
Глава 11 54
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Даниэла Стил
Зоя

Часть I
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Глава 1

Тройка неслась по заснеженной равнине. Зоя закрыла глаза, всем своим существом отдаваясь этому стремительному движению: небесной музыкой звучал в ее ушах звон бубенцов, пушистый снег целовал, казалось, ее разрумянившиеся щеки. Она чувствовала себя в свои семнадцать совсем взрослой и одновременно испытывала детский восторг, когда Федор подхлестывал лоснящихся вороных и те мчались еще быстрей.

...Вот уже промелькнула мимо деревня, вот показались и стали приближаться два дворца-близнеца на въезде в Царское Село. Зоя улыбнулась им и стянула с левой руки меховую рукавичку, чтобы взглянуть на часы. Она обещала матери непременно быть дома к обеду и исполнит свое обещание, если... если только они не заболтаются с Машей, а это вполне вероятно. Великая княжна Мария Николаевна, Мари, Машка, была ее лучшей подругой, больше, чем подругой, – сестрой.

Федор, обернувшись с козел, улыбнулся ей, а она звонко рассмеялась от радости. Какой чудесный нынче день! Она всегда любила балет: атласные туфельки и сейчас лежали рядом с нею на сиденье. Да, с самого раннего детства ей хотелось танцевать, и она не раз по секрету признавалась Маше, что мечтает сбежать из дому, поступить в Мариинский театр и репетировать, репетировать день и ночь! Улыбка вновь тронула ее губы: это была мечта, о которой нельзя было даже и сказать вслух, ибо люди ее круга не могли стать профессиональными танцовщиками. Но Зоя знала, что у нее есть талант, знала чуть не с пяти лет, и занятия с мадам Настовой были для нее необыкновенной отрадой. Она не щадила себя на репетициях и в «классе», втайне надеясь, что в один прекрасный день ее заметит великий хореограф Фокин...

Постепенно мысли ее обратились к подруге – ведь это к ней, к Маше, мчала ее сейчас тройка. Отец Зои, Константин Юсупов, и император Николай были троюродными братьями, а ее мать Наталья, как и Александра Федоровна, была немкой. У них с Машей все было общее – и вкусы, и пристрастия, и интересы, и мечты: в детстве они боялись одного и того же, от одного и того же получали радость... Как же могла она не приехать сегодня к Маше, хоть и обещала матери, что не станет бывать в Царском, пока там все больны корью? Но ведь Маша-то чувствует себя превосходно, она совершенно здорова, а к остальным княжнам Зоя заходить не будет... Накануне Маша прислала ей записочку, где жаловалась на то, как ей тоскливо и скучно одной – и сестры, и брат-наследник лежат по своим комнатам.

Крестьяне уступали тройке дорогу, сходя к обочине. Федор покрикивал на вороных. Он еще мальчиком был взят в услужение к деду Зои. Лишь для нее рискнул бы он навлечь на себя гнев барина и вызвать холодное, сдержанное неудовольствие барыни. Зоя, однако, пообещала, что никто ничего не узнает об их поездке в Царское. Ведь он возил ее туда тысячу раз: Зоя чуть ли не ежедневно навещала великих княжон. Что из того, если у наследника и его сестер – корь? Алексей – еще совсем мальчик, и к тому же у него слабое здоровье, он очень хрупок и болезнен, что всем известно. А Зоя – барышня здоровая, сильная и уж такая милая... В жизни своей не видывал Федор такой славной девочки. А его жена Людмила нянчила ее еще в младенчестве.

Людмила умерла год назад от горячки, и потеря эта была для него ужасна, тем более что детей им бог не дал. Единственными близкими Федору людьми стали его господа.

У ворот Федор осадил лошадей, от которых валил пар. Снег пошел гуще. К саням приблизились двое казаков в высоких меховых шапках и зеленых шинелях. Вид у них был грозный – но лишь до тех пор, пока они не узнали кучера и седока. И Федор, и Зоя были в Царском Селе всем хорошо известны. Казаки отдали честь, и тройка, минуя Федоровскую часовню, двинулась к Александровскому дворцу, который императрица любила больше других. В Зимнем дворце в Петербурге августейшая чета бывала только по случаю придворного бала или какой-нибудь торжественной церемонии. В мае они выезжали на дачу в Петергоф, лето проводили на яхте «Полярная звезда» или в Польше, а в сентябре всегда уезжали в Ливадию. Зою они часто брали с собой, и она проводила с ними все лето, пока не начинались занятия в Смольном институте. Ей тоже Александровский дворец нравился больше всех, это было любимое ее место. Она даже потребовала, чтобы ее комнату оклеили обоями точно такого же розовато-лилового оттенка, как и в спальне императрицы – тети Аликс. Мать удивлялась этому желанию, но все же выполнила его. А Мари всегда говорила, бывая у Зои, что словно бы и не уезжала из Царского.

Федор спрыгнул с козел, когда двое подбежавших конюхов взяли лошадей под уздцы, и, протянув руку, помог Зое вылезти из саней. Воротник ее шубки заиндевел и был запорошен снегом, щеки разрумянились от мороза и двухчасовой скачки. «Успею выпить с Мари чаю», – подумала она и вошла во дворец. А Федор вернулся к лошадям. Среди царских конюхов у него было немало приятелей, которым он рассказывал городские новости, коротая время в ожидании барышни.

Скинув шубу на руки горничным, Зоя сняла соболий капор, и по плечам рассыпались ее пышные, необыкновенно густые ярко-рыжие волосы, неизменно привлекавшие к себе всеобщее внимание, когда она ходила без шляпы, как, например, летом в Ливадии. Наследник Алексей очень любил дразнить ее «рыжей» и нежно перебирать эти огненные пряди. Для него Зоя была пятой сестрой: она была всего на две недели старше Мари, и они с детства пестовали мальчика, которого и мать, и сестры продолжали называть Беби, хотя ему было уже двенадцать лет. Сейчас Зоя спросила у горничных о его здоровье.

– Бедненький, он весь покрылся ужасной сыпью и сильно кашляет, – покачала головой старшая из них. – Мсье Жильяр целый день провел сегодня у его постели. А государыня ухаживала за девочками.

Алексей заболел корью первым и заразил Ольгу, Татьяну и Анастасию. Вот почему мать не хотела, чтобы Зоя ездила в Царское Село. Но ведь Мари здорова, а в своем письмеце она так жалобно просила Зою приехать. «Пожалуйста, милая Зоя, навести меня, если только мама тебя отпустит...»

Зоя, блеснув своими зелеными глазами, поправила волосы и одернула тяжелое шерстяное платье, на которое после урока балета сменила форменное институтское. Потом пошла по бесконечному вестибюлю к лестнице, которая должна была привести ее к хорошо знакомой двери спартански обставленной комнаты, где жили Маша и Анастасия. Она миновала кабинет флигель-адъютанта царя, князя Мещерского, но он был так погружен в работу, что не заметил девочку, которая даже в тяжелых сапожках прошла мимо почти бесшумно. Минуту спустя она уже стучалась в дверь.

– Да?

Повернув ручку двери одним изящным движением, Зоя – ее рыжие волосы летели впереди, словно извещая о ее прибытии, – просунула голову в щель. Мари задумчиво стояла у окна. При виде подруги ее голубые глаза вспыхнули от радости, и она кинулась, широко раскинув руки, навстречу Зое.

– Машка, я приехала спасать тебя от скуки!

– Слава богу! А то я чуть не умерла с тоски. Все, ну просто все заболели! Даже у бедной Анны корь. Ее положили в комнате, которая примыкает к маминым покоям. А мама хочет за всеми ухаживать сама. И целый день то кормит их, то поит с ложечки, а когда они засыпают, уходит к раненым. У нас теперь тут не один лазарет, а целых два!.. – Она откинула свои темно-русые волосы назад. Зоя засмеялась.

Соседний Екатерининский дворец с начала войны был превращен в госпиталь, и императрица, надев косынку с красным крестом, без устали работала там сама и ожидала того же от дочерей. Впрочем, Мари очень тяготилась этими обязанностями.

– Это невыносимо! – продолжала она. – Я думала, что и ты не приедешь. Мама будет ужасно сердиться, когда узнает, что это я тебя позвала.

Девушки, взявшись за руки, пересекли комнату и сели у камина. Обстановка в этой комнате, где жили Мария и Анастасия, была самая простая и непритязательная: железные кровати, застеленные крахмальным бельем, маленький стол, и на камине – единственное украшение: коллекция пасхальных яиц – малахитовых, деревянных, украшенных искусной росписью. В «детских», как по привычке все называли комнаты великих княжон, не было и намека на ту роскошь, с которой были убраны покои царя и царицы и другие апартаменты дворца. На спинке одного из двух стульев был повешен вышитый головной платок – это была работа ближайшей подруги царицы, фрейлины Анны Вырубовой, той самой, о которой только что упомянула Маша. Именно эта близость и привела к тому, что Анна заразилась корью и слегла. Девушки улыбнулись с некоторым превосходством – они-то обе были здоровы.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросила Зоя, казавшаяся еще стройнее и изящней в плотном шерстяном платье, надетом в дорогу. Она была ниже ростом и миниатюрней, чем Мари, считавшаяся в семье самой красивой. Она унаследовала голубые отцовские глаза и его обаяние. Драгоценности и наряды были ее слабостью в отличие от почти равнодушных к ним сестер: в этом они сходились с Зоей и могли часами обсуждать туалеты знакомых дам и примерять шляпы и украшения графини Натальи Юсуповой.

– Прекрасно, – ответила Мари, – жалко только, что нельзя будет поехать с Ольгой в Петроград. – По давней традиции их тетка, великая княгиня Ольга Александровна, забирала детей и увозила их на обед к бабушке в Аничков дворец или в гости к кому-нибудь из близких друзей.

– Так я и знала, – огорченно произнесла Зоя, – а мне так хотелось показать тебе мое новое платье: бабушка из Парижа привезла.

Зоина бабушка, графиня Евгения Петровна, была женщиной весьма замечательной. В восемьдесят один год она сумела сохранить и изящество стройной фигуры, и молодой блеск зеленых глаз. Все находили, что Зоя – вылитая Евгения Петровна в молодости. Зоина мать была высокая, тонкая, томная красавица с пепельно-белокурыми волосами и серо-голубыми глазами. Она принадлежала к тому типу людей, которые стремятся укрыться от окружающего их мира, спрятаться от него, и Зоин отец, помогая ей в этом, обращался с нею как с хрупким и болезненным ребенком. А сама Зоя была воплощенная энергия, силы так и переполняли ее.

– Розовый атлас, – восторженно продолжала она, – затканный жемчугом, представляешь? Мне ужасно хотелось показать тебе его!

Они обсуждали свои наряды, как дети – своих плюшевых мишек. Мари восхищенно всплеснула руками:

– Мне не терпится взглянуть на него! Ну, наверно, на будущей неделе все уже будет хорошо. И мы приедем к тебе. А пока я нарисую тебе что-нибудь – ты повесишь рисунок на стенку в твоей ужасной комнате.

– Не смей ругать мою комнату. Там почти так же уютно, как в будуаре у тети Аликс. – И обе рассмеялись.

В эту минуту в комнату вбежал коккер-спаниель Джой и стал ласться к Зое, а она, грея у огня замерзшие руки, рассказывала Мари о своих институтских подругах. Великая княжна,

жившая почти затворницей, никого не видевшая, кроме брата, сестер, гувернера мсье Жильяра и мистера Гиббса, учившего их английскому, очень любила слушать эти истории.

– Хорошо хоть, что уроки отменили: Жильяр сидит с Беби, а Гиббса я уже неделю не вижу: он боится заразиться корью.

Девочки снова рассмеялись. Мари принялась расчесывать густую ярко-рыжую гриву Зоиных волос: это было с детства их любимым занятием, во время которого они болтали о столичных новостях. Впрочем, с начала войны светская жизнь Петрограда уже не бурлила с прежней силой; даже Юсуповы, к несказанному огорчению Зои, почти не давали теперь балов и не устраивали приемов. Девочке всегда нравилась толпа гостей – мужчины в разноцветных мундирах, женщины в вечерних туалетах и драгоценностях. Она рассказывала Мари о том, кто за кем ухаживал, кто блистал красотой, а кто был «не в лице», на ком было самое ослепительное колье. Это был мир, не имевший себе равных нигде, – мир императорской России. И Зоя, носившая графский титул, состоявшая в родстве с самим государем, чувствовала себя центром этого мира, по праву рождения наслаждаясь его блеском и роскошью. Она и сама жила во дворце, выстроенном как уменьшенная копия Аничкова, она ежедневно общалась с представителями самых громких фамилий русской знати, с людьми, вершившими историю, – и не видела в этом ничего особенного.

– Джой так счастлив теперь, – сказала она, показывая на собачку, возившуюся возле их ног. – Хорошенькие щенки?

– Очень милые, – ответила Мари, чему-то улыбаясь про себя. – Ну-ка, подожди... – Она выпустила из рук заплетаемую косу и подбежала к своему столу. Зоя думала, что она достанет из ящика письмо или фотографию наследника, но в руках Мари оказался маленький флакончик, который она с гордостью протянула подруге.

– Что это?

– Это тебе! – И поцеловала Зою в щеку, покуда та с восхищением вертела в руках флакон.

– Маша! Не может быть! Неужели?.. – Она отвинтила крышечку, втянула ноздрями аромат. – Это они? Да?! – Это и впрямь были любимые духи Мари, которые Зоя выпрашивала у нее уже несколько месяцев. – Где ты их достала?

– Лили привезла мне их из Парижа. Я ведь помню: они тебе нравились. А у меня еще осталось немного в том флакончике, который мама подарила.

Зоя, закрыв глаза, снова понюхала. Как по-детски невинны, как просты и бесхитростны были удовольствия этих девочек – летом долгие прогулки в Ливадии или игры на яхте, скользившей вдоль фиордов!.. Безмятежность этой жизни не смогла нарушить даже война, хотя иногда речь заходила и о ней. В нескольких шагах отсюда, в Екатерининском дворце, лежали раненные, искалеченные люди. Как жестоко обошлась с ними судьба, не пощадившая, однако, и наследника престола. Его неизлечимая болезнь, постоянно угрожавшая жизни, тоже иногда обсуждалась девочками, но уже совсем в другом, серьезном и строгом, тоне. За исключением очень узкого круга приближенных, почти никто в России не знал, что Алексей страдает жестоким наследственным недугом – гемофилией.

– Как он? – спросила Зоя. – Я хочу сказать: корь не отразится... на... – Глаза ее были полны тревоги, и она даже отставила флакончик вожделенных духов.

– Нет, – успокоила ее Мари. – Мама говорит, что состояние Ольги тревожит ее сильней.

Ольга была на четыре года старше Мари. Эта уже совсем взрослая девушка отличалась, не в пример Мари и Зое, необыкновенной застенчивостью.

– Как хорошо было сегодня в «классе», – сказала Зоя со вздохом. – Ах, как бы я хотела...

– Ну что? – со смехом перебила ее Мари, знавшая наизусть все затаенные мечты своей подруги. – Чтобы тебя «открыл» Дягилев?

Обе засмеялись, но огонек, вспыхнувший в глазах Зои при упоминании этого имени, разгорелся ярче. Она вообще была яркой – ослепительные волосы, сияющие глаза, стреми-

тельно-плавные движения. При всей своей кажущейся хрупкости Зоя была полна сил и энергии, готовой вот-вот выплеснуться через край. Само ее имя по-гречески означало «жизнь», и нельзя было удачней назвать эту расцветающую юную женщину.

– Да... – призналась она. – И мадам Настова очень хвалила меня.

Девушки посмотрели друга на друга и подумали об одном и том же – на память обеим пришла Матильда Кшесинская, танцовщица, которая была возлюбленной Николая до его встречи с Аликс. Тема эта была под запретом, имя балерины произносилось только шепотом, когда вокруг не было взрослых. Однажды Зоя упомянула Кшесинскую при матери – та пришла в ужас и строго-настрого запретила дочери даже думать о столь неподходящем для барышни предмете, как давнее увлечение государя. Бабушка была не столь сурова и однажды вскользь заметила, что Кшесинская была первоклассной балериной.

– Ты все еще думаешь поступить в Мариинский? – спросила Мари, хотя Зоя уже несколько лет не говорила ей о своей детской мечте.

Мари знала, что для Зои путь на сцену заказан: в должный срок она выйдет замуж, у нее будут дети, она станет такой же великосветской дамой, как ее мать. Ни о каком балетном училище и речи быть не может. Но в этот февральский день так приятно мечтать за чаем о несбыточном – это тешит и радует, как возня коккер-спаниеля Джоя под столом. Жизнь прекрасна, даже несмотря на корь, сразившую чуть не всю августейшую семью. Болтая с подругой, Мари могла позабыть хоть ненадолго о том, какая ответственность лежит на ней. Иногда ей хотелось бы стать такой же свободной, как Зоя. Она прекрасно знала, что довольно скоро родители назовут ей имя ее жениха... Но сначала выйдут замуж две старших сестры, а пока... пока можно смотреть на огонь и думать, каким он будет, этот ее суженый, и будет ли она любить его...

Потрескивали поленья, за окном медленно кружились снежинки. Смеркалось.

– Маша? О чем ты задумалась? – вернул ее к действительности голос Зои, которая совсем забыла о том, что обещала к обеду быть дома. – Ты стала вдруг такой серьезной. – И в самом деле, когда Мари не смеялась, на лице ее появлялось очень сосредоточенное выражение, хотя ярко-голубые глаза продолжали излучать живой и теплый свет, которого были лишены глаза ее венценосной матери.

– Да так... Глупости какие-то лезут в голову. – Она мягко улыбнулась подруге. Им обеим скоро должно было исполниться по восемнадцать лет, и мысль о замужестве невольно посещала обеих. – Я думала о том, за кого мы с тобой выйдем замуж. Не сейчас, конечно, а когда кончится война.

– Я сама иногда об этом думаю. Бабушка говорит, что это в порядке вещей и что я – «барышня на выданье». И еще она говорит, что князь Орлов – прекрасная партия для меня. – Она расхохоталась и тряхнула головой так, что волосы разлетелись. – А ты... ты за кого выйдешь? Кто он – твой «он»?

– Не знаю. Сначала выдадут Ольгу и Татьяну, а Татьяна такая рассудительная и степенная, она, по-моему, и не хочет выходить замуж. – Она была ближе всех к матери и, может быть, хотела бы посвятить себя семье, никогда не покидая родной дом. – А хорошо бы иметь детей.

– Скольких? – поддразнивая, спросила Зоя.

– Человек пять по крайней мере, – ответила Мари: в ее семье было как раз пятеро детей.

– А я хочу шестерых! – убежденно заявила Зоя. – Троих мальчиков и трех девочек.

– И все рыжие! – рассмеялась Мари и, перегнувшись через стол, нежно погладила подругу по щеке. – Как я люблю тебя, Зоя!

Зоя по-детски прижалась губами к ее руке.

– Как я хотела бы, чтобы ты была моей сестрой! – Но у нее был старший брат, безжалостно подтрунивавший над нею, чаще всего – по поводу ее рыжих волос. У него самого волосы были темно-каштановые, как у отца, но глаза – тоже зеленые. Этот двадцатитрехлетний офицер унаследовал от Константина Юсупова спокойную силу и достоинство.

– А как поживает Николай?

– Несносен, как всегда. Мама ужасно рада, что его полк в Петрограде, а не где-нибудь в действующей армии...

В эту минуту медленно отворилась дверь, и высокая женщина молча вошла в комнату. Девочки так увлеклись беседой, что даже не заметили ее появления. За нею вошел и тоже замер на пороге большой серый кот.

– Здравствуйте, девочки, – улыбнулась женщина. Это была Александра Федоровна.

Зоя и Мари поспешно поднялись. Зоя подбежала поцеловать ее, не боясь заразиться: у Аликс несколько лет назад была корь.

– Тетя Аликс! Как они себя чувствуют?

Императрица, с усталой улыбкой обняв Зою, ответила:

– Не слишком хорошо, друг мой. И хуже всех бедной Анне. А как ты поживаешь? Ты, надеюсь, здорова?

– Да, благодарю вас. – Зоя вдруг вспыхнула. Как все рыжие, она очень легко краснела и стеснялась этого.

– Как это мама отпустила тебя к нам? – сказала царица, зная, что графиня Юсупова смертельно боится инфекции. Зоя еще гуще залилась краской, что свидетельствовало о том, что приехала она в Царское без всякого разрешения. Аликс улыбнулась и погрозила ей пальцем: – Ну, тебе попадет. Что же ты ей будешь врать на этот раз? Где ты сейчас находишься?

Зоя виновато улыбнулась:

– В «классе», занималась с мадам Настовой дольше, чем обычно.

– Понятно. Конечно, обманывать плохо, но мы и сами хороши: разве можно было разлучать вас с Мари так надолго?! – Она обернулась к дочери: – Ты уже вручила Зое наш подарок? – Она снова улыбнулась. Усталость делала эту обычно сдержанную женщину мягче и благодушней.

– Ну конечно! – воскликнула Зоя, показывая на стол, где стоял флакончик «Лила». – Это мои самые любимые!

Царица вопросительно взглянула в глаза дочери, а та, хихикнув, выскочила из комнаты.

– Как здоровье дяди Ники? – учтиво осведомилась Зоя.

– Он здоров, но, знаешь ли, мы с ним почти не виделись. Бедный! Приехал из армии отдохнуть, а оказался в карантине: у всех – корь.

В эту минуту вернулась Мари, прижимая к груди что-то, завернутое в одеяло. Слышалось тоненькое попискиванье, словно там была птица, а потом из попонки высунулась коричнево-белая мордочка с длинными шелковистыми ушами. Весело поблескивали глазки цвета оникса.

– Ах, какая прелесть! – закричала Зоя. – Я же несколько недель не видела щенков! – Она протянула к нему руку, и щенок тотчас принялся облизывать ее.

– Это девочка, ее зовут Сава, – с гордостью произнесла Мари, любуясь восхищенной подругой. – Мы с мамой хотим подарить ее тебе. – И она протянула ей щенка.

– Мне?! О, бо... Но что же я... – «Что же я скажу маме», – чуть было не вырвалось у нее, но, боясь лишиться подарка, она прикусила язык. Императрица все поняла и так.

– Ах, да ведь Наталья, кажется, не очень любит собак... Я совсем забыла... Она, наверно, рассердится на меня?

– Нет-нет, что вы, совсем наоборот! – на ходу придумывала Зоя, взяв на руки щенка, который лизал ей нос и щеки. Зоя отдернула голову, пока он не добрался до ее волос. – Какая она чудная! Неужели это мне?

– Ты окажешь мне большую услугу, дитя мое, если возьмешь ее. – Царица улыбнулась и села на стул.

Вид у нее был очень утомленный. Зоя заметила на ней косынку с красным крестом и форменное платье сестры милосердия. Неужели она и сегодня ухаживала за ранеными в госпитале? Ведь у нее на руках были еще четверо заболевших детей и Анна Вырубова. Александра неукоснительно выполняла свои обязанности сиделки и требовала того же от дочерей.

– Мама, хочешь чаю?

– Очень. Вот спасибо тебе, Машенька.

Мари позвонила, и появившаяся горничная принесла чашку и чайник.

– Здорова ли бабушка? – спросила царица. – Я так давно ее не видела. Столько забот, что я совсем не бываю в Петрограде.

– Благодарю, тетя Аликс, здорова.

– А родители?

– Все хорошо, тетя Аликс. Только мама тревожится, что Николая могут отправить на фронт, – нервы ее вконец расшатались.

Графиня Наталья Юсупова вообще отличалась нервностью, и достаточно было пустяка, чтобы вывести ее из душевного равновесия. Муж оберегал ее, безропотно снося все ее капризы и прихоти, потакая ей решительно во всем. Царица доверительно говорила Мари, что, к счастью, Зоя не унаследовала от матери ее вялой томности – она была полна огня и жизни и меньше всего напоминала поникшую камелию. При упоминании Натальи перед глазами всегда возникала одна и та же картина: бледная блондинка, вся в белом шелку, с необыкновенными жемчугами в ушах и на шее, бессильно откинулась на спинку стула, с застывшим в глазах ужасом, словно жизнь для нее – непосильное бремя. После начала войны царица обратилась к ней с просьбой поработать в Красном Кресте, но Наталья без обиняков ответила, что ей это будет не под силу... Сейчас царица воздержалась от комментариев, сказав только:

– Кланяйся ей от меня.

Лишь теперь Зоя спохватилась, что за окнами совсем темно. Стремительно поднявшись, она в ужасе взглянула на часы:

– Боже! Мне давно пора быть дома! Мама будет в ярости!

– Да уж! – засмеялась царица и погрозила ей пальцем: – Только, пожалуйста, не лги, а не то запутаешься вконец. Воображаю, в какой ужас придет Наташа, узнав, что ты была у нас... Ты ведь могла заразиться. Ты болела корью?

– Нет! И сейчас не заболею, ну а если все же подхвачу заразу, значит, так тому и быть! – Она звонко рассмеялась, с беспечной отвагой махнув рукой. За этот озорной, отчаянный нрав ее и любила Мари.

– Поезжай скорей, – сказала царица, – а мне пора к моим болящим. – И, поцеловав обеих девочек, вышла из комнаты.

Мари, вытащив щенка из-под стола, снова завернула его в попонку и протянула Зое:

– Не забудь!

– Неужели ты правда отдаешь ее мне?

– Да. Она для тебя и предназначалась, просто я хотела сделать сюрприз. Положи ее за пазуху, под шубой она не замерзнет. – Коккеру было только семь недель от роду. Зоя пленилась им, как только увидела – в первый день Рождества, когда они всей семьей обедали в Царском. – Только бы мама не выставила тебя вместе с нею из дому.

– Ничего, я скажу, что тетя Аликс будет в ужасе, если собачка вернется к ней. Не посмеет же она огорчать императрицу!

Девочки со смехом сбежали вниз, Зоя стала надевать шубу и соболий капор, под которым спрятались ее огненные пряди. Потом обняла Машу:

– Пожалуйста, постарайся не заболеть!

– И не подумаю даже. – Маша передала ей щенка, протянула флакончик, а горничная доложила, что лошади поданы.

– Через денек-другой я снова приеду! Обещаю тебе! Спасибо за подарки. – Зоя еще раз порывисто обняла Мари и сбежала с крыльца, у которого стояла тройка. Федор сидел на козлах: щеки и нос у него были ярко-красные – он как следует выпил со своими приятелями, дожидаясь барышню, – чтобы не замерзнуть на обратном пути в Петроград. Он помог Зое забраться в сани. Снег, к счастью, перестал.

– Федор, гони вовсю! Если я опоздаю, такое будет!..

Но Федор и сам знал, что должен поспеть вовремя.

«Должно быть, все уже будут сидеть за столом, – думала Зоя, – а тут я, да еще с собакой!» Она засмеялась.

В морозном воздухе щелкнул кнут, и вороные резво взяли с места. В следующую минуту они были уже за воротами и вихрем неслись через Царское Село на тракт.

Глава 2

Сани летели по Невскому проспекту. Зоя прижимала к себе щенка и пыталась придумать уважительную причину своего отсутствия. Тщетно. Она понимала: раз Федор с нею, особенно беспокоиться не станут, но мать наверняка будет вне себя от гнева – мало того что Зоя опоздала, но еще и привезла с собою собачку. Впрочем, ее она представит домашним потом.

На углу Фонтанки Федор круто свернул налево, и лошади, чуя родное стойло, сами, без понуканья, прибавили рыси. Федор распустил вожжи и уже через полминуты высаживал барышню у крыльца. Зою вдруг осенила счастливая мысль: она вытащила завернутого в попонку щенка из-за пазухи и протянула его кучеру.

– Федор, – произнесла она, глядя на него умоляюще. – Пожалуйста... Это подарок государыни... Возьми пока, отнеси на кухню, отдай Галине. А потом я за ней спущусь. Щенка зовут Сава. – В глазах Зои появился страх, когда Федор со смехом покачал головой.

– Да за такое ее сиятельство мне голову оторвет. Да и вам, барышня, тоже не поздоровится.

– Я знаю, Федор... Но, может быть, папа заступится... – Отец, такой добрый, такой нежный с матерью, неизменно выступал на Зоиной стороне. Он был чудесный человек, и Зоя просто обожала его. – Пожалуйста, Федор... Я и так страшно опоздала...

Был уже восьмой час, а ей еще надо было переодеться к обеду. Федор взял щенка, а Зоя понеслась по мраморным ступеням лестницы их небольшого, но очень красивого дворца. Его выстроил Зоин дед для своей невесты. Бабушка жила во флигеле, отделенном от дворца садом. Но Зое некогда было думать об этом. Взлетев наверх, она стащила с головы капор, сбросила шубку на руки горничной и уже устремилась было в свою комнату, как вдруг за спиной раздался знакомый голос:

– Стой, кто идет?

– Тише! – яростно прошептала Зоя. – А ты что тут делаешь?

На площадке лестницы стоял ее брат Николай – высокий красавец в мундире Преображенского полка. Зоя знала, что многие ее подруги по Смольному институту заглядывались на него.

– Где мама?

– Мама-то в столовой, где ж ей еще быть? А вот ты где пропадала?

– У меня были дела. Не задерживай меня, я и так безбожно опаздываю, а мне еще надо успеть переодеться.

– Нет уж, ты лучше иди в чем есть. Мама и без того будет сердиться, – со смехом сказал Николай, сощуривая свои зеленые, как у Зои, глаза.

– Она говорила что-нибудь? – после минутного колебания спросила Зоя. – Ты видел ее?

– Еще нет. Я только что приехал. Мне нужно поговорить после обеда с отцом. Ладно, беги переодевайся, а я постараюсь отвлечь их. – Николай любил свою младшую сестру гораздо сильней, чем это ей казалось: гордился ею и хвастался перед своими однополчанами, которые давно уже восхищались Зоей. Но за малейшую нескромность с их стороны он, не задумываясь, убил бы любого. Зоя, с каждым днем расцветая и становясь краше, еще не знала, как она хороша, и была слишком юна, чтобы флиртовать с его приятелями. Наступит время, и она выйдет замуж за князя или по крайней мере за человека, равного по положению их отцу – графу и полковнику, внушавшему уважение всем, кто знал его. – Ну, живей! Беги, гадкая девчонка!

Зоя влетела в свою комнату и через десять минут была уже внизу в темно-синем шелковом платье с кружевным воротником – любимом платье матери, которое сама Зоя терпеть не могла, ибо оно придавало ей еще более юный вид. Но делать было нечего.

Появиться в столовой незаметно, разумеется, не вышло, и Николай лукаво усмехнулся, глядя, как его младшая сестра с невозмутимо-послушным выражением лица пробирается к своему месту. Графиня, казавшаяся в своем сером атласном платье с колье из черных жемчужин и бриллиантов на груди неестественно бледной, подняла голову и устремила строгий взгляд серых глаз на свою единственную дочь.

– Зоя! – Она никогда не повышала голоса, но на лице ее ясно читалось недовольство. Зоя честно взглянула на мать, поцеловала ее в подставленную холодную щеку и оглянулась не без тревоги на отца и бабушку.

– Прости, мама!.. Мне очень стыдно... Я задержалась в «классе»... А потом должна была... должна была повидаться с подругой... Я виновата...

– Так где же все-таки ты была? – ледяным тоном спросила мать, покуда прочие члены семьи хранили выжидательное молчание.

– Я?.. Я должна была... – И Зоя осеклась, пытаясь пригладить взлохмаченные волосы: она ведь причесывалась в страшной спешке.

– Зоя! Скажи мне правду! Ты ездила в Царское?

Отпираться было бесполезно: Наталья была слишком холодна, слишком красива, слишком хорошо владела собой и внушала дочери слишком сильный страх.

– Да, мама, – прошептала Зоя, чувствуя себя напроказившей семилетней девчонкой, а не семнадцатилетней барышней. – Прости меня.

– Ты на редкость глупа. – Графиня перевела засверкавшие ледяным блеском глаза на мужа. – Константин, я строго-настрого запретила ей бывать в Царском. У наследника и великих княжон корь. Она могла заразиться. Это неслыханно. Она совершенно отбилась от рук!

Зоя с тревогой посмотрела на отца, но в глазах его плясало то же изумрудное пламя, и он с трудом сдерживал улыбку. Если жену он любил, то дочь – просто обожал. Тут, вопреки обыкновению, вмешался Николай: уж слишком жалкий был вид у его сестры.

– Быть может, они пригласили ее, мама, и со стороны Зои было бы неучтиво отказаться.

Но к числу прочих достоинств Зои относилась и полная неспособность лгать. Смирно сидя за столом и ожидая, когда ей подадут обед, девушка прямо и открыто взглянула на мать:

– Нет, это я виновата, я сама хотела навестить их. Мари было так одиноко... Вот я и решила...

– Ты поступила очень дурно и очень глупо. Мы поговорим об этом после обеда.

– Хорошо, мама.

Зоя потупилась. Разговор за столом возобновился, и только в эту минуту она, подняв голову, заметила Евгению.

– Бабушка! – заулыбалась она. – Вы здесь?! Тетя Аликс просила вам кланяться.

– Как ее здоровье? – спросил отец. Графиня молчала, и на ее красивом лице по-прежнему читалось явное неудовольствие.

– Когда кто-нибудь из детей заболевает, Аликс забывает о всех своих хворях, – ответила за нее бабушка. – Это поразительно: она страдает от множества недугов, но стоит только заболеть цесаревичу или дочкам, как она сейчас же становится бодра, деятельна и неутомима и ходит за ними лучше всякой сиделки. – Старая графиня пристально взглянула в лицо невестки, а потом с одобрительной гордостью улыбнулась внучке: – Должно быть, Мари очень обрадовалась тебе, Зоя?

– Очень, – улыбнулась в ответ та, – она была просто счастлива. А больше я никого и не видела, мама. Их держат взаперти, в спальне. Даже мадам Вырубова заболела, – прибавила она, чтобы успокоить мать, и сейчас же пожалела об этом: Наталья взглянула на нее с нескрываемой тревогой.

– Какое дурацкое безрассудство! И зачем тебе понадобилось ехать туда?! Тоже хочешь заболеть?

– Нет, мама. Я очень жалею, что поехала, – произнесла Зоя, но слова эти так явно противоречили выражению ее лица, что становилось ясно: это всего лишь формальное раскаяние. – Я думала поспеть вовремя. Я уже собралась ехать, но тут тетя Аликс решила выпить с нами чаю... Мне не хотелось ее обижать.

– Тем более что она не только наша кузина, но и императрица всея Руси, – многозначительно заметила старая графиня.

У нее, как и у Константина, Николая и Зои, глаза были такие же зеленые. А у ее невестки Натальи – голубовато-серые, точно холодное зимнее небо, когда лето кажется бесконечно далеким. Жизнь ее была нелегка и слишком многого требовала от нее. Муж, пышущий здоровьем и жизненной силой, души в ней не чаял и всегда хотел, чтобы у них было много детей – больше, чем она могла выносить и выкормить. У нее было несколько выкидышей, двое детей родились мертвыми, а появление на свет и сына и дочки далось ей дорого: она по целому году провела в постели. Теперь у нее с мужем были отдельные спальни. Константин, наделенный живым, веселым и общительным нравом, обожал балы и званые вечера, не представлял себе жизни без толпы гостей, ей же все это казалось слишком утомительным, хотя слабое здоровье служило лишь предлогом, а истинная причина крылась в меланхолическом характере и почти болезненной застенчивости. Под маской ледяного высокомерия она прятала необоримый страх перед людьми: любому обществу она предпочитала одиночество у затопленного камина. А Зоя удалась в Константина, и после ее дебюта весной отец предполагал бывать с нею в обществе. Долго обсуждали, устраивать ли бал: Наталья настаивала на том, что во время войны подобные празднества неуместны. К счастью для Константина, дело взяла в свои руки старая графиня. Бал решено было дать в июне, после выпуска Зои из Смольного, – хоть, может быть, не такой пышный, как в мирное время.

– Что слышно о государе? – спросил Константин. – Что говорит Мари?

– Сейчас он приехал с фронта, но, кажется, скоро собирается назад, в Ставку.

– Да, я знаю. Я видел его на прошлой неделе. Он в добром здравии?

В этих словах сквозила озабоченность, не укрывшаяся от домашних, и в первую очередь от Николая. Он знал, что и до отца наверняка доходят слухи о том, что царь сильно сдал в последние несколько месяцев и едва несет тяжкое бремя войны. Поговаривали даже о полном упадке сил, что вызывало острую жалость у всех, кто любил этого доброго и такого внимательного ко всем человека, а Константин принадлежал к числу его ближайших друзей. Они были товарищами детских игр – как теперь их дочери Зоя и Мари, царь крестил его первенца, тоже названного Николаем. Узы крепкой дружбы связывали и их отцов. Николай и Константин любили подшучивать друг над другом – ведь оба женились на немках. Впрочем, Аликс была крепче Натальи телом и духом и умела в нужный момент – когда заболевали дети или нужно было работать в Красном Кресте – собраться, что было совершенно недоступно Наталье. Старая графиня в свое время была очень огорчена тем, что ее сын не взял в жены русскую женщину. А то обстоятельство, что гессенская принцесса Алиса стала царю верной и любящей женой, не утешало.

– А каким ветром тебя занесло в отчий дом? – спросил Константин, с улыбкой оборачиваясь к сыну.

Он гордился им и даже не думал скрывать, что доволен тем, что Преображенский полк – не в действующей армии. Ему совсем не хотелось, чтобы его единственного сына сразила германская пуля. Русская армия несла большие потери – и в 1914 году под Танненбергом, и во время отступления по ледяным галицийским полям, – и Константин радовался, что пока опасность не угрожает Николаю.

– Мне хотелось кое о чем поговорить с тобой, папа, – ответил Николай. – После обеда, если разрешишь. Так, пустяки.

Голос его звучал спокойно и уверенно, но Наталья взглянула на сына с нескрываемой тревогой. Ей уже было известно, что у Николая роман с балериной, и мать готовилась стоять насмерть, если бы он сообщил о своем намерении жениться на ней. «Пустяки»? Старая графиня, устремив на внука проницательный взгляд, по лицу его поняла, что речь у него с отцом пойдет далеко не о пустяках. Если уж он, вопреки обыкновению, бросил товарищей и решил провести вечер в кругу домашних, значит, он чем-то всерьез озабочен. Николай засмеялся:

– По правде сказать, я приехал убедиться, что наш сорванец оставил свои проказы. – Он посмотрел на сестру, а та вспыхнула от досады.

– Я уже большая, Николай! Какие там «проказы»?! – Она презрительно фыркнула и занялась десертом.

– Да неужели? Что-то не верится, – расхохотался Николай. – А кто это четверть часа назад летел по ступенькам как угорелый, раздеваясь на ходу? Кто, как водится, опоздал к обеду? Кто сидит за столом этаким Степкой-растрепкой, словно причесывается не гребешком, а вилами?.. – Он собрался было продолжить свою речь, но Зоя швырнула в него салфеткой.

– Константин, прошу тебя вмешаться! – слабым голосом, умоляюще произнесла Наталья. – Заставь их утихомириться, мои нервы не выдерживают этого.

– Милые бранятся – только тешатся, – мудро заметила старая графиня. – Они не знают, как еще выразить свою любовь, вот и шпыняют друг друга. Возраст такой. Мои дети в их годы тоже драли друг друга за волосы и кидались башмаками. Помнишь, Костя?

Он засмеялся:

– Да уж, я тоже не отличался примерным поведением. – С любовью посмотрев на жену, он обвел нежным взглядом сидевшую за столом семью, потом поднялся, сделал легкий общий поклон и повел сына в маленькую гостиную, примыкавшую к столовой, – там они могли поговорить без помех. Как и Наталья, он очень боялся, что Николай сейчас сообщит ему о своем намерении жениться на неровне – танцовщице из балета.

Усевшись у горящего камина, Николай, вынув из кармана изящный золотой портсигар, предложил отцу папиросу. Эта вещица, несомненно, сделанная по эскизу великого Фаберже – золото двух оттенков и сапфировая кнопка замка, – привлекла внимание Константина.

– Дар любви? – Он тоже слышал об увлечении сына хорошенькой балериной.

– Да нет, приятель преподнес.

– Примерно этого мы с мамой и опасаемся, – усмехнулся Константин.

Оба засмеялись, но потом Николай слегка нахмурился. Он был не по годам осмотрителен и обладал, помимо мужественной красоты, острым и пытливым умом. Да, таким сыном можно было гордиться.

– Не беспокойся, отец, и не верь сплетням. Это так... маленькая интрижка. Обещаю, серьезных последствий не будет.

– Вот и славно. А что же в таком случае привело тебя сегодня к нам?

Николай отвел глаза от языков пламени за каминной решеткой и посмотрел на отца.

– Нечто гораздо более важное. Я постоянно слышу очень неприятные вещи о государе. Говорят, что он смертельно утомлен, что он болен, что он не может больше оставаться верховным главнокомандующим. До тебя, отец, тоже наверняка доходили эти толки.

– Да. – Константин медленно склонил голову. – Доходили. И все же я надеюсь на лучшее.

– Вчера в гостях я познакомился с французским послом Морисом Палеологом. Он нарисовал крайне безрадостную картину. Перебои с продовольствием и топливом – очень грозный признак, а мы отмахиваемся от него. Напряжение на фронте достигло предела. Мы послали в окопы шесть миллионов человек, а как справиться со смутой здесь, в тылу? Он опасается, что все может рухнуть – и Россия, и престол... И вообще все. Что ты думаешь об этом, папа? Как по-твоему – он прав?

Константин надолго погрузился в молчание, а потом покачал головой:

– Нет, не прав. Конечно, мы переживаем момент критический, и государь отдает себе в этом отчет. Но не забывай, что речь идет о России, а не о каком-нибудь карликовом королевстве. Мы, русские, поразительно сильны и выносливы. Что бы ни обрушивалось на страну извне, что бы ни точило ее изнутри, она все вынесет. Она не рухнет. Никогда. – Константин говорил с глубоко выношенной верой, и его убежденность передалась сыну.

– Завтра собирается Дума. Интересно, как это повлияет на ход событий.

– Никак не повлияет. Россия всегда была и будет. Да ты и сам это знаешь. – Он с любовью взглянул на сына, и Николаю стало легче.

– Конечно, знаю. Но мне надо было услышать это от тебя.

– Что ж, сомнения порой мучают каждого из нас. Но мы должны быть сильными – ради нашего государя, ради нашей отчизны. Мы должны быть сильными, и тогда лихолетье минет скорей. Война не может продолжаться бесконечно.

– Да, война – это ужасно... – Отец с сыном знали, как чудовищны были потери, но ни на миг не сомневались в нерушимости того, что было дорого им обоим. И недавние страхи показались теперь Николаю ребяческими и глупыми. Его сбила с толку уверенность французского посла, предсказывавшего катастрофу. Он был рад, что поговорил с отцом. – Как мама себя чувствует? Она стала как будто еще более нервной, или это оттого, что я редко вижу ее?

Константин улыбнулся в ответ:

– Она тревожится за исход войны... И беспокоится о тебе. И обо мне, и о Зое. Поводов предостаточно.

– Как она прелестна! – с восхищением воскликнул Николай, имея в виду сестру. – Половина моих однополчан влюблены в нее. Того и гляди, мне придется вызывать на дуэль всех офицеров-преображенцев.

– Как жаль, что она начинает выезжать во время войны, – печально сказал Константин. – Дай бог, чтобы к июню все кончилось.

Оба надеялись на это, хоть и знали, что надежды скорей всего не сбудутся.

– Ты уже присмотрел ей жениха? – осведомился Николай. – Кое-кто из моих друзей был бы отличной партией для нее.

– Не могу представить, что придется расстаться с Зоей! Хоть и понимаю, что это глупый отцовский эгоизм. Зоя скоро выпорхнет из родного гнезда. Твоя бабушка прочит ей в мужья князя Орлова.

– Да что ты! Он слишком стар для нее! – Князю едва исполнилось тридцать пять, но Николай сдвинул брови при одной мысли о том, что Зоя может стать его женой; впрочем, никто в мире не казался ему достойным его сестры.

Константин поднялся и с улыбкой потрепал сына по плечу.

– Ну, пойдем в столовую, не то мама станет беспокоиться.

Они присоединились к остальным в ту минуту, когда Зоя о чем-то с жаром упрашивала мать.

– Ну, что ты натворила на этот раз? – спросил Николай, заметив, что бабушка отворачивается, чтобы скрыть улыбку. Наталья была бледней обычного, а Зоя, алая, как пион, сердито взглянула на брата:

– Тебя не касается!

– Что случилось, дитя мое? – спросил Константин и сейчас же поймал на себе укоризненный взгляд жены: его снисходительность была явно неуместна.

– Случилось то, – заговорила Наталья гневно, – что Аликс сделала ей совершенно нелепый подарок. И я не желаю, чтобы это оставалось в доме!

– Боже мой, что «это»? Неужели знаменитые романовские жемчуга? Тогда лучше их принять: не хочешь носить сейчас – наденешь позже, – пошутил Константин, пребывавший после разговора с сыном в отличном настроении.

– Тут нет ничего смешного, Константин, и я прошу, чтобы ты поддержал меня. От этого надо немедленно избавиться.

– От чего? Это дрессированная гадюка? – засмеялся Николай.

– Никакая не гадюка! Это щенок. – Зоя умоляюще поглядела на отца, на глаза ей навернулись слезы. – Прошу тебя, папочка!.. Я обещаю, что сама буду заниматься им и не выпущу из своей комнаты, и мама его даже не увидит... Ну, пожалуйста, разреши... – Зоя была готова заплакать.

Наталья, глаза которой засверкали, как бриллианты под ярким светом, стремительно поднялась и вышла на середину комнаты.

– Нет! Собаки разносят заразу! А вы ведь все прекрасно знаете, что у меня слабое здоровье! – В эту минуту она отнюдь не казалась хрупкой и болезненной и живо напомнила Константину те времена, когда он так долго и безуспешно добивался ее руки. Он лучше, чем кто-либо другой, знал силу ее характера.

– Но если поместить ее на кухне... тогда, быть может... – проговорил он вслед жене, уже взявшейся за ручку двери.

– Ты вечно потакаешь ее капризам! – гневно воскликнула она.

– Да ведь собачка, наверно, совсем маленькая... В семье государя не любят больших псов.

– Зато они держат еще двух собак и кошку, а наследник постоянно находится между жизнью и смертью.

– Но к собакам его болезнь отношения не имеет... А бабушка не согласится держать ее у себя? – И Константин с надеждой посмотрел на мать, которую явно забавляла эта семейная сцена. Как это похоже на Аликс: подарить Зое щенка, зная, что это приведет Наталью в ярость. Между этими женщинами никогда не утихало глупое соперничество, хотя тягаться с императрицей было трудновато.

– С удовольствием, – сказала Евгения.

– Вот и отлично! – воскликнул Константин, радуясь, что отыскался выход из безвыходного положения. Но дверь хлопнула, и это означало, что до утра он свою жену не увидит.

– Ну-с, на этой радостной ноте позвольте откланяться. – И Николай с улыбкой отвесил бабушке церемонный поклон. – Мне пора возвращаться в свой глубоко мирный полк.

– Хорошо, если и правда в полк, – не без яду усмехнулась старая графиня. – Я слышала, ты сделался настоящим повесой, мой милый.

– Не верьте вздорным слухам, милая бабушка. Покойной ночи. – Он расцеловал ее в обе щеки, мягко положил руку на плечо отцу. – И ты, проказница, будь здорова, – он прикоснулся губами к щеке Зои и слегка взъерошил ее рыжие кудри, – веди себя прилично и, пожалуйста, больше не притаскивай в дом никаких животных, не то мама просто сойдет с ума.

– Тебя не спрашивают! – ответила она, целуя его. – Покойной ночи, скверный мальчишка!

– Я, может быть, и скверный, но уж никак не мальчишка. Пора бы тебе понимать разницу между мальчишкой и мужчиной.

– Пойму, когда увижу наконец перед собой мужчину.

Уже в дверях он помахал всем рукой и удалился – без сомнения, направившись к своей танцовщице.

– Как он очарователен, – сказала старая графиня, – и до чего же напоминает мне тебя, Костя, в юности.

Константин горделиво улыбнулся, а Зоя, скорчив гримасу, с размаху шлепнулась на стул.

– Он просто ужасен!

– А вот он отзывается о вас, Зоя Константиновна, гораздо снисходительней, – сказал ее отец, горячо любивший их обоих и гордившийся ими. Склонившись, он поцеловал дочь и улыбнулся матери: – Ну что, вы и в самом деле возьмете собачку к себе? Иначе есть все

основания предполагать, что Наташа выставит нас всех из дому, – прибавил он со вздохом. Порою ему хотелось, чтобы жена была сговорчивей и проще – особенно когда он ловил на себе осуждающий взгляд старой графини, которая, впрочем, уже давно раскусила свою невестку и составила о ней мнение. Изменить его Наталья была не в силах, как ни старалась.

– Конечно. Мне нужен маленький верный дружок. Это от Чарли или от Таниного французского бульдога?

– Нет, бабушка. Это – от Джоя, коккер-спаниеля Мари. Она такая прелесть! Ее зовут Сава. – Зоя с детской радостью, сияя, бросилась к старой графине и мигом оказалась у нее на коленях. Та своей подагрической рукой обхватила ее плечи.

– Если она не испортит мои ковры от Обюссона, то мы скоро подружимся. – Графиня перебирала рассыпанные по плечам внучки огненно-рыжие локоны. Зоя поднялась и поцеловала ее – она с детства помнила и любила прикосновение этой руки.

– Спасибо вам, бабушка, спасибо!.. Мне так хотелось, чтобы эта собачка осталась у меня!

– Ну, вот желание твое и исполнилось!

Графиня тоже встала и перешла поближе к камину, между тем как Зоя стрелой понеслась забирать щенка у прислуги. Графиня повернулась к сыну: кажется, только вчера он был маленьким мальчиком, подростком, юношей... Как стремительно пронеслись годы!.. Но жизнь была к ней добра: старый граф дожил до глубокой старости и умер три года назад в возрасте восьмидесяти девяти лет, и она всегда благословляла тот день и час, когда они встретили и полюбили друг друга. Жизнь их была полна и счастлива. Константин очень походил на отца, и графиня со светлым чувством – особенно когда видела сына рядом с Зоей – вспоминала покойного мужа.

– У тебя, друг мой, очаровательная дочь. Она вырастет настоящей красавицей.

– Она очень похожа на вас, матушка.

Графиня покачала головой, но по глазам ее Константин видел, что она согласна с ним. Да, иногда она узнавала в Зое себя и неизменно радовалась, что девочка пошла не в мать, а в их, юсуповскую, породу. Даже когда она не слушалась мать, капризничала или упрямилась, старая графиня видела в этом проявления того, что в жилах Зои текла ее кровь, и не могла сердиться. Разумеется, это еще больше бесило Наталью.

– Она – нечто новое, ни на что не похожее, совсем особенное. Как бы только нам ее не испортить. Смотри, Костя, не повтори моих ошибок.

– Почему же мы должны ее испортить? – возразил сын, любивший и глубоко почитавший ее. Он знал, что в своих решениях – иногда безрассудных – она неизменно руководствуется сердцем, а не разумом, душевным чутьем, а не холодным расчетом, и видел в этом высшую мудрость.

– Вот она! – В комнату влетела Зоя, прижимая к груди щенка, который почти целиком умещался у нее на ладонях. – Правда, прелесть?

– Лишь бы только эта прелесть не сгрызла мою любимую шляпу, или самые удобные башмаки, или, боже избавь, обюссоновский гобелен. Вот только попробуй, – прибавила она, обращаясь к Саве и трепля ее шерстку, как незадолго до этого – кудри Зои, – и я велю сварить из тебя суп. Помни это! – Щенок тявкнул, словно бы в ответ на эти слова. – Со стороны Аликс было очень мило сделать тебе такой подарок. Надеюсь, ты ее поблагодарила?

Зоя фыркнула, сейчас же зажав себе рот изящным и вместе с тем совершенно детским движением:

– Она опасалась, что мама будет сердиться!

Старая графиня рассмеялась, Константин едва сдержал улыбку.

– Вижу, она отлично знает Наташин характер. Как по-твоему, Костя? – И взглянула сыну прямо в глаза; он понял, что# должен означать этот взгляд.

– Она ведь так слаба здоровьем... – попытался он вступиться за жену. – От этого и случается иногда...

– Ну, ничего, ничего. – Она поднялась, жестом приказывая ему не тратить так много слов: все, мол, и так ясно. – Завтра ты навестишь нас, Зоя? Или ты опять собираешься в Царское? Как-нибудь на днях возьми меня с собой: Аликс приглашала меня.

– Но, мама, только не сейчас – ведь там больны дети... И потом, в такую погоду... это будет вам трудно... В санях...

– Что за глупости! – рассмеялась она. – У меня была корь – правда, лет эдак сто назад. А погода меня вообще никогда не пугает. Я отлично себя чувствую и надеюсь проскрипеть еще десяток-другой. На большее я не рассчитываю, но за десять лет ручаюсь.

– Вот и отлично, – улыбнулся Константин. – Позвольте, я провожу вас.

– Прекрасно дойду сама, – отмахнулась она, пока Зоя набрасывала ей на плечи шубу. – Пройти через сад мне пока еще по силам. Я это делаю несколько раз на дню.

– В таком случае не лишайте меня удовольствия проделать этот путь вместе с вами, – с шутливой церемонностью сказал Константин.

Графиня улыбнулась ему как маленькому – да, для нее он навсегда остался таким – и сказала:

– Ну хорошо, пойдем. Покойной ночи, Зоя.

– Покойной ночи, бабушка! Спасибо вам за Саву!

Они поцеловались. Зоя побежала наверх, в свою комнату, оклеенную розовато-лиловыми обоями, а графиня, опираясь на руку сына, вышла в холодный, темный сад.

Зоя зевнула и улыбнулась, вспомнив о подарке Мари. Какой чудесный был день! Она мягко закрыла за собой дверь. Через день-два она непременно отправится в Царское Село. А пока надо придумать, что бы такое привезти Маше в подарок.

Глава 3

Через два дня, когда Зоя собралась ехать в Царское Село, пришло письмо от доктора Федорова, личного врача наследника. Он сообщал неприятные новости: великая княжна Мария тоже заразилась корью. Зоя страшно огорчилась: это означало, что она не увидится с подругой в течение нескольких недель – в зависимости от того, как будет чувствовать себя Маша. Корь часто дает осложнения: у Анастасии заболели уши, а у наследника доктор подозревал воспаление легких.

– Боже мой! – воскликнула мать, услышав обо всем этом. – А ведь ты с ними общалась! А я строго-настрого запретила тебе бывать в Царском! Теперь ты заразишься! Как ты смела?! Как ты могла не подумать обо мне!

При мысли о том, что Зоя могла занести в дом инфекцию, с нею едва не сделалась истерика. По счастью, вовремя вмешавшийся Константин тотчас послал горничную наверх за нюхательной солью, а сам принялся успокаивать жену. Флакон в форме огромной эмалевой клубничины, украшенной бриллиантами, всегда лежал у графини на ночном столике.

Доктор Федоров приехал весьма вовремя: он осмотрел графиню, а Зоя тем временем написала записочку Маше. Она желала ей поскорее поправиться, чтобы они могли увидеться, а подписалась и за себя, и за Саву, которая прошлой ночью оскандалилась – прямо на обюссоновский коврик. Но бабушка, лишь повторив свои угрозы сварить из нее суп, если она не изменит своего поведения, только тем и ограничилась.

«Люблю тебя и целую. Скорее поправляйся, и я сейчас же приеду к тебе». Зоя послала ей две книжки, которыми сама зачитывалась неделю назад, а в постскриптуме приписала, чтобы Маша не смела больше жулить в теннисе, как было прошлым летом в Ливадии, когда они играли в паре против двух великих княжон. Это была их любимая игра, и Мария неизменно выходила победительницей. «...Я приеду, как только твоя мама и доктор мне позволят. Целую тебя, твоя Зоя».

Днем она снова виделась с Николаем, и это немного отвлекло ее от грустных мыслей о подруге, из-за которых она целый день не хотела даже выходить из своей комнаты. Взаперти сидела и Наталья, совершенно убитая известием о болезни Мари и страхом за дочь.

– Что-то ты зачастил к нам, братец, – сказала Зоя. – Опять разговор с отцом. Что-нибудь случилось?

– Какие дурацкие мысли приходят тебе в голову. Ничего не случилось, – ответил Николай, хотя был поражен догадливостью девочки. Она инстинктивно поняла, что он в сильной тревоге и именно это послужило причиной его приезда. Он хотел обсудить с отцом последние события.

Накануне, на заседании Думы, Александр Керенский произнес чудовищную речь, в которой подстрекал к цареубийству. Николай понял, что французский посол был во многом прав. Должно быть, положение в стране было хуже, а многочисленные лишения ожесточили народ сильней, чем казалось ему и людям его круга. Британский посол, сэр Джордж Бьюкенен, отправляясь на десять дней в Финляндию, тоже нарисовал весьма безрадостную картину. Вот почему Николай хотел знать, что думает обо всем этом отец.

– Никогда просто так не приедешь, – упрекнула его Зоя.

Заснеженный Невский проспект, по которому мчались их сани, был прекрасен, как никогда. Николай с деланой бодростью отвечал сестре, что все обстоит превосходно, а она, хоть и почувствовала фальшь и затаенную тревогу, решила поверить ему.

– Ты лучше скажи, зачем ты так огорчаешь маму? Из-за тебя она слегла, и я слышал, что к ней уже дважды вызывали доктора.

– Вовсе не из-за меня, – фыркнула Зоя, – а из-за того, что у Машки корь.

– Значит, и у тебя? – засмеялся Николай.

– Глупости какие! Я никогда не заболею.

– Отчего ты так в этом уверена? Ты ведь поедешь в Царское?

Зоя по-детски замотала головой, всем своим видом выказывая крайнее разочарование:

– Нет, меня не пустят. Туда никого сейчас не пускают. А у бедной Настеньки ужасно болит ухо.

– Ну, ничего, не горюй, скоро они поправятся, тогда и поедешь.

Зоя согласно кивнула, а потом без перехода осведомилась:

– А кстати, как поживает твоя балерина?

Николай дернул сестру за прядь волос, выбившуюся из-под мехового капора:

– С чего ты взяла, что у меня есть «моя» балерина?

– Да все об этом знают. У государя до того, как он женился на тете Аликс, тоже была балерина. – Зоя могла говорить с братом совершенно открыто, но он все же был шокирован: сестра явно преступила грань приличий.

– Как ты смеешь, Зоя, даже думать об этом!

– Хочу – и смею! Ну, так как? Она хорошенькая?

– Ее вообще не существует! Неужели вас такому учат в вашем Смольном?

– Ничему меня там не учат, – бойко ответила Зоя, что было явной неправдой, ибо в Смольном институте, как и в Пажеском корпусе, который в свое время окончил Николай, преподавание поставлено было превосходно. – И потом, я уже почти отучилась.

– Воображаю, как там все радуются тому, что скоро избавятся от тебя.

Зоя пожала плечами. Оба засмеялись. Николай подумал, что сумел отвлечь сестру от щекотливой темы, но от Зои не так просто было отделаться.

– Ты мне так и не ответил! – сказала она с лукавой улыбкой.

– Вы, дражайшая Зоя Константиновна, настоящее маленькое чудовище.

На этом разговор и кончился. Они отправились домой, на Фонтанку. Когда вернулся отец, они с Николаем заперлись в кабинете, окна которого выходили в сад. Три других стены занимали полки, на которых стояли книги в кожаных переплетах и коллекция изделий из малахита – Константин собирал ее долгие годы. Там же находились знаменитые пасхальные яйца работы Фаберже, подобные тем, какими обменивались в Светлое Христово Воскресенье царь с царицей. Константин, стоя у окна, слушал сына и наблюдал, как по снегу пробирается к флигелю Зоя – она шла проведать бабушку и, разумеется, коккер-спаниельшу Саву.

– Что ты думаешь обо всем этом? – с нескрываемой тревогой спросил Николай, и Константин повернулся к нему лицом.

– Да ничего, в сущности, не думаю. Все не так страшно, как тебе представляется. Даже если, не дай бог, начнутся беспорядки на улицах, генерал Хабалов сумеет с ними справиться. Не волнуйся. – Он благодушно улыбнулся: ему было приятно, что его сын не какой-нибудь ветрогон, а человек, всерьез озабоченный безопасностью столицы и империи. – Все будет хорошо. Но и беспечности допускать нельзя. Хороший солдат в любую минуту готов к бою. – Константин был сам именно таков, так же, как и его отец, дед и прадед. Он и сейчас бы не задумываясь вернулся в строй, но годы брали свое.

– Отец, неужели тебя не пугает эта возмутительная речь Керенского? Ведь это граничит с государственной изменой!

– Это и есть измена, только никто не принимает его всерьез. Никто и никогда не осмелится посягнуть на жизнь божьего помазанника. А кроме того, кузен Ники – под защитой армии. Думаю, что здесь, в окружении больных детей и горсточки слуг, он подвергается большей опасности, чем у себя в Ставке. Но, во всяком случае, я позвоню Бьюкенену, как только он вернется, и сам поговорю с ним, узна#ю, чем он так встревожен. И он, и Морис Палеолог. Вот вернется Бьюкенен, приглашу его и француза на обед, а ты у нас – всегда самый желанный

гость. – Константин знал, что перед его даровитым сыном открывается блестящая карьера, и всеми силами старался способствовать ей.

– Что ж, папа, после нашего разговора у меня немного отлегло от сердца, – сказал Николай.

И все же на этот раз тревога не улетучилась. Гнетущее чувство близкой опасности продолжало томить его, когда он покинул отцовский дом. Ему хотелось самому сейчас же отправиться в Царское Село и лично поговорить с государем – ведь они были в родстве, и не столь уж далеком. Но он знал, что царь крайне утомлен, что его снедает беспокойство за сына, и решил выбрать более благоприятный момент.

Ровно неделю спустя, 8 марта, царь выехал из Царского Села и вернулся в Могилев, где располагалась Ставка. В этот самый день произошли первые беспорядки: люди, измученные многочасовыми очередями за хлебом, стали громить булочные и требовать хлеба. К вечеру для разгона толпы была прислана казачья сотня. Почти никто в Петербурге не увидел в этом эпизоде зловещего предзнаменования. Французский посол давал раут, куда были приглашены в числе прочих князь и княгиня Горчаковы, граф Толстой, художник Александр Бенуа, испанский посол – маркиз де Вильясинда. Юсуповых не было – Наталья все еще недомогала, и Константин не хотел оставлять ее одну.

А на следующий день, услышав, что беспорядки разрастаются и мятежники переворачивают вагоны трамваев, он похвалил себя за благоразумие. И все же никто не оценил в полной мере надвигающейся опасности. А день выдался ясный и солнечный. Невский был, как всегда, запружен прогуливающейся публикой, все магазины были открыты. На углах стояли казачьи разъезды, но всадники были настроены вполне миролюбиво и перешучивались с гуляющими.

Однако уже 10 марта беспорядки возобновились, начались грабежи и погромы, и появились первые жертвы – погибло несколько человек.

А во дворце Радзивиллов тем не менее был большой бал – все делали вид, будто ничего не случилось. Но пропускать мимо ушей сообщения о вспыхивающих то там, то здесь беспорядках становилось все трудней.

Англичанин Гиббс, гувернер великой княжны Марии, привез от нее записочку Зое. Она чуть было не расцеловала его от радости, но, прочитав письмецо, опечалилась: Маша писала, что чувствует себя отвратительно, а у Тани, ее младшей сестры, тоже нелады с ухом. Только наследнику стало вроде бы получше.

– Бедная тетя Аликс, должно быть, падает с ног от усталости, – сказала Зоя бабушке. Она сидела у нее в гостиной, держа на коленях Саву. – Мне так хочется видеть Мари. – Зоя томилась: из-за того, что в городе было неспокойно, мать запретила ей ездить в балетную школу, и на этот раз отец поддержал запрет.

– Наберись терпения, дитя мое, – сказала Евгения Петровна. – По улицам бродят то#лпы этих озлобленных, голодных людей, и уж тебе там совершенно нечего делать.

– Неужели они вправду голодают? – Нелегко было представить себе это в роскошном дворце, но сердце Зои сжималось от жалости. – Мы могли бы поделиться с ними: у нас ведь так много всего. – Казалось бесчеловечно жестоким, что кто-то страдает от голода и холода, когда ее жизнь так привольна и приятна.

– Такие мысли приходят в голову каждому из нас. – Глаза бабушки, не утратившие с годами молодого блеска, устремились на Зою. – Жизнь, дитя мое, устроена несправедливо. Очень, очень многие люди лишены того, без чего мы не представляем себе жизни, но чего даже не замечаем, – теплой одежды, мягкой постели, вдоволь еды... не говоря уж о таких роскошествах, как праздники, балы или красивые платья.

– Но разве все это плохо? – озадаченно спросила Зоя.

– Вовсе нет. Но это – удел немногих, и забывать об этом мы не должны никогда.

– А мама говорит, что простолюдинам все равно не оценить наших радостей и наш уклад им чужд и даже смешон. Вы, бабушка, тоже так думаете?

Евгения Петровна саркастически усмехнулась: такой слепоты и скудоумия она не ожидала даже от своей невестки.

– Не повторяй этой чуши, Зоя! Кто, по-твоему, откажется от теплой постели, от вкусного обеда, от красивой нарядной одежды, от лихой тройки? Только дурак.

Зоя не добавила, что, по словам матери, они и были дураками, – не добавила, потому что сама знала: это не так.

– Как жаль, бабушка, что они не знают дядю Ники, тетю Аликс, и их дочек, и наследника. Если бы знали – не стали бы сердиться: ведь они такие славные, такие добрые! – произнесла она с трогательной и обескураживающей наивностью.

– Нет, дитя мое, народ ненавидит не их, а то, что стоит за ними. Невозможно представить, что у государя и государыни могут быть бессонные ночи, заботы, сердечные приступы. Никому и дела нет до того, как печется Ники о своих детях, как тяжко переживает их болезни, как волнует его нездоровье Аликс... Да, ты права: жаль. Государь несет на себе неимоверное бремя. А сейчас он опять на фронте. Как это трудно для Аликс!.. Хоть бы дети поскорее поправились!.. Хочется их навестить!

– И мне! Но папа запретил мне даже выходить из дому. И когда теперь я смогу заниматься с мадам Настовой? Наверно, только через месяц или два...

– Ну что ты, гораздо раньше, – ответила Евгения Петровна, незаметно любуясь внучкой: Зоя на пороге своего восемнадцатилетия хорошела с каждым днем. Она была удивительно грациозна и изящна – огненно-рыжая, зеленоглазая, длинноногая, тоненькая – казалось, талию можно обхватить двумя ладонями. Глядя на Зою, графиня поняла смысл выражения «дух захватывает».

– Если бы вы знали, бабушка, как мне скучно. – Зоя повернулась на одной ножке.

– Ну, спасибо тебе, милая, за прямоту, – рассмеялась та. – Должно быть, многие находили мое общество невыносимым, но никто пока не заявлял мне об этом прямо в глаза.

– Да нет, – смутилась Зоя, – я ведь не вас имела в виду!.. Просто невозможно больше сидеть взаперти!.. И даже Николай нас что-то совсем забыл...

Отчего не появляется Николай, выяснилось в тот же день к вечеру. Генерал Хабалов приказал расклеить по городу приказ, в котором запрещалось устраивать митинги, шествия и демонстрации, а бастующим предписывалось вернуться на работу. Неподчинившиеся подлежали немедленной отправке на фронт. Эта мера действия не возымела. С Выборгской стороны через Литейный мост в центр города хлынули огромные толпы. В половине пятого преградившие им путь солдаты открыли стрельбу. На Невском проспекте у Аничкова моста погибло более пятидесяти человек. Потом началось брожение и среди солдат. Рота лейб-гвардии Павловского полка отказалась стрелять в манифестантов и повернула оружие против своих же офицеров. Чтобы разоружить бунтовщиков, был поднят в ружье Преображенский полк.

Константин, узнав о происходящем, отправился в город – главным образом потому, что беспокоился за сына. Он подсознательно ощущал грозящую Николаю опасность. Однако ему удалось лишь узнать, что павловцев разоружили с очень незначительными потерями. Что значило это? А если в числе «незначительных потерь» оказался Николай? Возвращаясь домой, Константин увидел ярко освещенные окна дворца Радзивиллов и подивился тому, что можно безмятежно веселиться и танцевать, когда на улицах гибнут люди. Неужели прав был Николай? Теперь ему самому захотелось немедленно увидеться с Палеологом, и он решил завтра же утром протелефонировать послу.

Свернув на Фонтанку, он увидел возле своего дома чей-то экипаж, и ужас сжал его сердце. Ему захотелось выскочить из саней и убежать куда глаза глядят, но вместо этого он велел кучеру погонять. У крыльца с криками суетилось не менее десятка преображенцев. Кон-

стантин на ходу соскочил и бросился к ним. «Боже, боже мой...» – повторял он. И тут он увидел его. Двое несли Николая, и снег у них под ногами был залит кровью.

– Боже, боже... – и по щекам Константина покатились слезы, – он жив?

– Пока жив, – мягко ответил один из преображенцев.

В Николая стрелял один из солдат Павловского полка – полка императорской гвардии, стрелял семь раз.

– Скорее вносите его в дом! – крикнул Константин. – Федор, поезжай за доктором! Гони вовсю!

Преображенцы беспомощно толпились вокруг. Они-то знали, что помочь Николаю уже нельзя, потому его и привезли домой. Остекленелые глаза Николая остановились на лице отца: он узнал его и даже улыбнулся, когда отец подхватил его, как ребенка, на руки и понес в дом. Там уложил его на диван. Забегали слуги. «Бинтов... скорей... горячей воды!..» – отдавал приказания Константин, сам не понимая, что делать с раненым. Но и бездействовать он не мог. Надо было что-то предпринимать... любой ценой спасти Николая – его сына, его мальчика, которого принесли в родной дом умирать. Неужели он отдаст его смерти?! Неужели уже поздно?! В эту минуту чья-то рука властно отодвинула его в сторону: старая графиня склонилась над внуком, обхватила его голову и поцеловала в лоб.

– Ничего, ничего, Николай, все будет хорошо... Мы все здесь, рядом с тобой...

Евгения Петровна, Наталья и Зоя, не дождавшись Константина, сели обедать, но старая графиня, услышав внизу шаги и голоса, почуяла беду. Она бросилась туда и увидела растерянно топчущихся преображенцев. Отчаянно закричала Наталья. Константин беспомощно глядел, как на мраморный пол течет кровь его сына, медленно собираясь в лужицу. Дрожащая Зоя подбежала к брату и опустилась рядом с ним на колени. Побледнев как полотно, она взяла его безжизненную руку.

– Николай, ты узнаешь меня?.. – шептала она. – Это я, Зоя...

– Зачем ты здесь? – еле слышно проговорил он, и бабушка по его неподвижному взгляду поняла, что он не видит их.

– Зоя! – взяла она команду на себя. – Сними с меня нижнюю юбку, разорви ее на полосы! Живей!

Зоя, словно подстегнутая этим властным голосом, выполнила приказ. Евгения Петровна принялась перевязывать внука, пытаясь остановить кровотечение. Константин, всхлипнув, тоже опустился на колени.

– Папа? Ты здесь? – Николай казался совсем юным в эти минуты. – Я люблю тебя... Зоя... Будь умницей...

Он улыбнулся им – и испустил дух. Все усилия были тщетны. Николай умер на руках отца. Поцеловав его, Константин закрыл ему глаза и затрясся от рыданий, прижимая к себе холодеющее тело сына и не замечая, что весь залит его кровью. Безутешно плакала Зоя, Евгения Петровна дрожащими руками гладила руку Николая. Потом она повернулась и жестом выслала преображенцев, чтобы остаться со своим горем наедине. Появившийся доктор хлопотал над лежащей в обмороке Натальей. Ее перенесли наверх, в спальню. Плакал, не стыдясь слез, Федор. Все слуги толпились здесь же, пораженные глубокой печалью. Они уже ничем не могли помочь молодому барину.

– Костя, его надо перенести наверх. – Евгения Петровна мягко отстранила сына и повела его – он ничего не видел из-за слез – в библиотеку, там усадила на стул и заставила сделать глоток коньяку. Уменьшить его боль она не могла, да и не пыталась. Она подозвала к себе Зою и, заметив ее смертельную бледность, заставила пригубить коньяк и ее. Потом отпила сама.

– Нет, не надо... Я не хочу... – Зубы девушки стучали о стекло, но Евгения Петровна чуть не силой влила ей в рот несколько капель.

– Боже... Боже... Совсем мальчик... Они убили его... – бессвязно повторял Константин, качаясь на стуле из стороны в сторону.

Зоя, словно подхваченная неведомой силой, бросилась к отцу, припала к его груди, ища у него защиты. У нее не укладывалось в голове, что еще несколько часов назад она сетовала, что «глупый Николай совсем нас забыл», а теперь он, ее брат, был мертв...

– Что же это такое, папа? Что происходит? – в ужасе спрашивала она.

– Не знаю, дитя мое... Не знаю... Они убили его. – Он крепче прижал ее к себе, а потом поднялся. – Мама, возьмите Зою. Я пойду к Наташе.

– Она уже пришла в себя, – сказала графиня, которую куда сильней тревожило состояние сына, чем обморок дуры-невестки. Она всерьез опасалась, что Константин не переживет этого потрясения, и взяла его за руку. Константин поднял голову и увидел устремленные на него глаза, полные мудрости и бесконечной скорби.

– Мама!! – вскрикнул он.

Евгения Петровна одной рукой обняла его, а другой привлекла к себе Зою. Потом Константин, медленно высвободившись, направился наверх, в спальню жены. Зоя провожала его глазами. Кровь уже смыли с мраморного пола, ковер убрали. Николая перенесли в его комнату, и он лежал там, окоченелый и безмолвный. Он родился здесь, здесь и умер, прожив на свете всего двадцать три года. Вместе с ним ушел в небытие мир, который Юсуповы знали и любили. Отныне никто из них не мог чувствовать себя в безопасности. Бабушка понимала это совершенно отчетливо, она увела Зою к себе: девочку била крупная дрожь, глаза ее были полны ужаса.

– Ты должна быть сильной, – сказала Евгения Петровна. Сава носилась вокруг них, и Зоя опять заплакала. – Ты, как никогда, нужна теперь твоему отцу. И вероятно... наша жизнь теперь... переменится. Но что бы ни случилось... – голос ее дрогнул, а перед глазами возникло лицо внука, умершего полчаса назад у нее на руках, – что бы ни случилось с каждым из нас, – она обняла Зою, ощутила губами бархатистость ее щеки, – помни, дитя мое, всегда помни, как он любил тебя...

Глава 4

Последовавший за этим день был похож на тяжкий кошмар. Николай, обмытый, облаченный в мундир, лежал в своей детской. В изголовье и в ногах у него горели свечи. Взбунтовался Волынский полк, за ним Семеновский, Измайловский, Литовский и, наконец, полк, в котором служил Николай, первый полк русской армии – лейб-гвардии Преображенский. Все они перешли на сторону революции. Повсюду развевались красные знамена, расхаживали люди в изодранных шинелях, очень мало напоминавшие солдат. Да и Петроград изменился неузнаваемо: рано утром восставшие подожгли здание Окружного суда. Потом вспыхнули арсенал на Литейном, министерство внутренних дел, дом военного губернатора; охранка и несколько полицейских участков были разгромлены. Всех заключенных выпустили на свободу. К полудню в руках мятежников была уже Петропавловская крепость. Становилось ясно, что необходимы самые отчаянные меры: царь должен тотчас вернуться в столицу и назначить временное правительство, которое наведет порядок. Не поздно ли? Брату, великому князю Михаилу, накануне говорившему по прямому проводу с царем, тот обещал выехать из Ставки, находившейся в Могилеве, немедленно. Он не мог вообразить себе размеров катастрофы, разразившейся всего за несколько дней, и потому утверждал, что должен все увидеть своими глазами, прежде чем назначать новых министров, призванных справиться со смутой. Лишь после телеграммы председателя Государственной думы о том, что опасности подвергается его семья, государь понял, что# происходит. Царица этого еще не осознавала... Было упущено время. Было слишком поздно.

Лили Ден приехала в Царское Село лишь после обеда. Александра была полностью поглощена заботами о детях – все они заболели корью. Лили рассказала ей о беспорядках на улицах, но обе еще не представляли себе, что речь идет о революции.

Начальник петроградского гарнизона генерал Хабалов в то же утро прислал царице телеграмму, требуя, чтобы она с детьми немедленно уехала в безопасное место. Он с полутора тысячами верных ему солдат был осажден в Зимнем дворце. К вечеру все покинули его, и генерал остался один. Но и тогда царица оставалась непреклонна, отказываясь покинуть Царское Село до возвращения Николая. Под охраной матросов Гвардейского Экипажа она чувствовала себя в безопасности, а дети были не в состоянии ехать куда бы то ни было: у великой княжны Марии началось воспаление легких.

В тот же самый день были разграблены и потом запылали усадьбы в окрестностях столицы. Константин приказал слугам закопать в саду золото, серебро и иконы. Зою вместе с горничными заперли во флигеле, и они лихорадочно зашивали драгоценности за подкладку шуб и ротонд. Наталья сновала по дому, то и дело заходя в бывшую детскую, где лежало тело Николая. Нечего было и думать о похоронах – вокруг все сильней полыхало пламя революции.

– Бабушка, – прошептала Зоя, спрятав маленькую бриллиантовую сережку в пуговицу, а пуговицу собираясь снова пришить к своему платью. – Бабушка, что же нам делать?! – Ее дрожащие пальцы едва держали иглу, глаза были расширены от ужаса. За окнами отчетливо слышалась отдаленная стрельба.

– Шить! – отвечала бабушка. – Поторопись, Зоя! Вот, возьми: зашей жемчуг в подкладку моего синего жакета. – Она яростно орудовала иглой и была на удивление спокойна. А ведь Константин рано утром уехал в Петроград и сейчас сидел в Зимнем дворце вместе с генералом Хабаловым и горсточкой верных ему людей.

– Что же нам делать с... – Зоя не могла произнести имя брата, но все это было так ужасно: он лежит там один, а они зашивают драгоценности за подкладку.

– Всему свое время. Успокойся, дитя мое. Мы должны дождаться вестей от твоего отца.

Сава жалобно поскуливала у Зоиных ног, словно понимала, что опасность грозит и ей. Утром графиня, как ни старалась, не смогла привести во флигель Наталью: та наотрез отказалась покинуть барский дом. Казалось, она потеряла рассудок – беспрерывно говорила со своим убитым сыном, уверяя его, что все будет хорошо, а отец скоро вернется. Пришлось оставить ее. Всю прислугу бабушка заперла во флигеле и засадила за работу – до появления бунтовщиков надо было успеть припрятать хоть что-нибудь. Евгения слышала, что дворец Кшесинской разграбили – та же участь ждала и их. И вот она шила и напряженно думала: неужели мятежники доберутся до Царского Села?

А в Царском императрица сбивалась с ног, ухаживая за детьми. Все они еще метались в жару, хуже всех было Марии, да и Анастасия все еще была очень слаба. Во второй половине дня появились мятежные солдаты, но, не решившись вступить в схватку с гвардейскими караулами, охранявшими дворец, они ограничились тем, что разорили все вокруг, стреляя из винтовок в каждого, кто попадался им на глаза.

Эта пальба сотрясала окна детской, но Александра упорно повторяла, что это поблизости идут маневры. Однако ночью она послала телеграмму Николаю, умоляя его ускорить приезд. А Николай, так до конца не понимая, сколь угрожающе их положение, предпочел отправиться домой самым длинным путем, чтобы не останавливать движение воинских эшелонов к фронту. Ему еще предстояло узнать, что верных ему частей больше нет – нет покорной его воле армии. И моряки Гвардейского Экипажа, и лейб-гвардия, в чьи обязанности всегда входила личная охрана августейших особ и где он знал в лицо едва ли не каждого, без приказа сняли караулы. Его предали даже солдаты царскосельского гарнизона. Столица империи пала. Это произошло в среду, 14 марта. За ночь мир преобразился. Разум отказывался принимать эти изменения.

Его приближенные, его министры и генералы вынуждали его поспешить с отречением от престола в пользу цесаревича Алексея при регенте – великом князе Михаиле. Но отчаянные телеграммы, посланные в императорский поезд, направлявшийся к Петрограду, остались без ответа. Царь молчал, и молчание это томило Зою и графиню Евгению Петровну – они не получали никаких известий. Не подавал вестей и Константин, отсутствовавший уже более двух суток. И лишь после того, как Федор отважился выйти из дому и вернуться, подтвердилось страшное предчувствие: Константин погиб. Убит в Зимнем дворце собственными солдатами, а тело вместе с другими бесчисленными жертвами выброшено куда-то. Рассказывая все это, Федор, не стесняясь, плакал навзрыд. Зоя с ужасом слушала его. Бабушка, повернувшись к горничным, велела им поторопиться. Все драгоценности, принадлежавшие ей и Наталье, были зашиты в подкладку. Она приняла решение похоронить Николая в саду. Вместе с Федором и еще тремя слугами помоложе она вошла в его комнату и в молчании остановилась перед ним. Больше ждать было нельзя – шли четвертые сутки. Бабушка стояла, думая о своем собственном сыне; глаза ее были сухи. Поздно было плакать. Поздно и некогда – надо было позаботиться о Зое и – в память Константина – о Наталье.

В ту минуту, когда мужчины приготовились поднять покойника, на пороге, как тень, появилась Наталья – растрепанная, в длинной белой рубашке.

– Куда вы несете моего сына? – спросила она, устремив на них безумный взгляд.

Сомнений не было: она лишилась рассудка и даже не узнавала Зою.

– Что вы делаете, дураки? – И она уже собиралась вцепиться в ближайшего к ней слугу, но старая графиня крепко обхватила ее за плечи и взглянула прямо в глаза:

– Пойдем со мной, Наташа. Пойдем.

– Но куда они несут моего сына?

Бабушка не ответила, чтобы избежать новой яростной вспышки. Наталья всегда была со странностями, а теперь, когда не стало Константина, оберегавшего ее от действительности, прикрывавшего ее собою, будто щитом, она сошла с ума окончательно. Зоя поняла это, только взглянув ей в глаза.

– Надо одеться, Наташа. Мы уезжаем.

– Куда?

– В Царское Село. – И Зоя оцепенела от изумления, услышав ответ бабушки.

– Но зачем мы там? Сейчас лето, и царская фамилия, и двор – в Ливадии.

– Потом и в Ливадию поедем, но сначала в Царское. А теперь надо одеться. – Бабушка крепко взяла Наталью за руку, а Зоя, повинуясь безмолвному приказу ее глаз, – за другую.

– Кто вы? – вскрикнула она и вырвала руку у перепуганной Зои. Только острый, пронизывающий взгляд бабушки удержал девочку от того, чтобы в ужасе не броситься прочь от этой женщины, которую она называла матерью. – Кто вы такие? Что вам надо? – снова и снова спрашивала несчастная, силясь высвободиться, а бабушка отвечала ей кротко и спокойно.

За последние четыре дня она потеряла сына и внука – их отняла у нее революция, смысла которой пока никто из них еще не понимал. Но размышлять было некогда – следовало покинуть Петроград немедленно. Промедление грозило смертью. Куда бежать? Где спасаться? В Царском. Там они будут в безопасности. Однако потерявшая рассудок Наталья ехать отказывалась, твердила, что остается, что скоро вернется муж и съедутся на вечер гости.

– Константин ждет тебя в Царском, – солгала бабушка и с силой, о которой даже не подозревала Зоя, схватив Наталью, проволокла ее вниз по лестнице и через черный ход – в сад.

В ту же минуту раздался грохот. Это ломились в ворота дворца мятежники.

– Живей! – прошептала бабушка Зое, еще вчера бывшей ребенком. – Отыщи Федора. Прикажи запрягать... Отцовскую тройку! – И она, крепко держа руку невестки, задыхаясь, побежала к флигелю.

Горничным она приказала собрать те вещи, в подкладку которых были зашиты драгоценности, и сложить их в чемоданы. На прочее времени уже не оставалось, да и места в тройке было мало. Бабушка, продолжая распоряжаться, поглядывала на дворец, полускрытый деревьями сада. Она знала, что мятежники рано или поздно появятся и во флигеле. И тут бабушка в ужасе поняла, что Натальи нет рядом с нею, а уже потом заметила белую фигуру, бегущую через сад. Она бросилась вдогонку, но было поздно. Наталья уже вошла во дворец, и тотчас же из окон второго этажа повалил дым и показалось пламя.

– Бабушка! – закричала Зоя, вцепившись в нее.

Обе они увидели, как за окнами мелькает белая фигура. Наталья с бессвязными криками и безумным смехом металась от окна к окну, помахивая рукой, точно приветствовала кого-то. Зоя рванулась туда, но графиня удержала ее.

– Не пущу! Ей уже не поможешь! Там эти разбойники! Они убьют тебя.

– Бабушка, ради бога!.. Я не могу смотреть, как она погибает... – Рыдая, Зоя вырывалась так отчаянно, что графиня чувствовала: еще немного – и она высвободится.

По счастью, на пороге появился Федор.

– Лошади готовы! – Он подогнал тройку к боковому выходу из сада с таким расчетом, чтобы ее не заметили хозяйничавшие во дворце.

– Бабушка! – Зоя продолжала рваться к дверям, и тогда графиня с размаху ударила ее по щеке:

– Замолчи! Она уже погибла! А мы должны бежать немедленно! – Из окон нижнего этажа уже выглядывали незнакомые лица.

– Я не могу... не могу ее оставить, – кричала Зоя, но бабушка держала ее крепко. – Пожалуйста, пусти меня, пусти!..

– Не пущу. – И она на секунду мягко привлекла девочку к себе.

Раздался грохот – как будто что-то взорвалось. Весь верхний этаж был теперь в огне: белая рубашка Натальи горела. Ей не было спасения: за спиной поднималась стена пламени, прыгнуть – значило разбиться насмерть. Она была обречена, и, быть может, это было счастьем.

Ее разум, не выдержавший двойного потрясения – потери мужа и сына, – никогда не вернулся бы к ней. Мир ее разбился вдребезги.

– Скорей, скорей, – звал Федор.

Бабушка с неожиданным проворством подхватила с пола собачку, сунула ее Зое в руки и потащила девочку на улицу, где ждала тройка.

Глава 5

Зоя обернулась и увидела, что пламя взметнулось над верхушками деревьев, пожирая то, что было раньше отчим домом, а теперь безжизненной оболочкой прежней жизни. Федор предусмотрительно свернул в переулок. Евгения Петровна и Зоя, державшая на руках щенка, теснее прижались друг к другу. На улицах было множество солдат, но никто не сделал попытки задержать их. Федор, стараясь не выезжать на людные проспекты, неуклонно продвигался к городской окраине.

Был четверг, 15 марта. В эту самую минуту царь, находясь в Пскове, читал телеграммы от главнокомандующих фронтами: генералы требовали его отречения. Вокруг была измена. Лицо его стало мертвенно-бледным...

Побледнела и Зоя, когда домики предместья остались позади. Больше двух часов Федор кружил по окольным дорогам, пока не выбрался на тракт, ведший в Царское Село. Ни у бабушки, ни у внучки не было ясного представления о том, что творится в городе. Зоя думала только о матери: та так и стояла у нее перед глазами – в длинной ночной рубашке, на подоконнике, с которого она кинулась вниз. Зоя представляла, как пламя пожирает тело Николая, лежащего в той самой комнате, куда она так часто прибегала в детстве. Николай, «Колька-дурак», как она дразнила его... Боже, еще только недавно все было хорошо и шла обычная и счастливая жизнь!..

Голова ее была окутана старой шалью, уши мерзли, и поэтому Зоя вспомнила, что и Ольга, и Татьяна мучаются после кори от боли в ушах. Подумать только: всего несколько дней назад это казалось бедой – корь, жар, лихорадка!.. Какие пустяки, какие мелочи... Потом она задумалась над тем, что они найдут в Царском. Показалась деревня, но Федор благоразумно объехал ее. Их уж дважды останавливали солдаты, и Федор лишь секунду боролся с искушением пустить лошадей вскачь и прорваться. Он понимал, что солдаты откроют стрельбу, и решил не рисковать. И потому, натянув вожжи, он объяснил, что везет больную старую каргу и ее слабоумную внучку. И Евгения Петровна, и Зоя смотрели на солдат бессмысленным взглядом, всем своим видом показывая, что прятать им нечего. Как хорошо, что Федор для этой поездки запряг лошадей в старые, облупившиеся сани, неказистые, но крепкие. Ими давно уже не пользовались, и солдаты не позарились на эту рухлядь. Зато внимание солдат привлекли великолепные лошади, и они со смехом выпрягли вороных, которыми так гордился Константин, оставив лишь коренника. На нем и добрались до въезда в Царское Село. Против обыкновения, у шлагбаума не стоял разъезд лейб-казаков и не видно было часовых-гвардейцев. Их сменили подозрительного вида армейцы в потрепанных шинелях.

– Кто такие? – грубо крикнул один из них.

Зоя испугалась, Федор начал было плести свою небылицу, но в эту минуту Евгения Петровна стала в санях и подняла Зою.

– Я – графиня Юсупова, родственница государя императора! Хотите убить меня – убивайте! – Сейчас, лишившись и сына, и внука, она не боялась смерти. Но поднять руку на Зою мятежники смогли бы, лишь перешагнув через ее труп, а перед этим она застрелила бы стольких, скольких успела. Зоя не знала, что в муфте бабушки лежит маленький револьвер с перламутровой ручкой и что она не задумываясь пустит его в ход.

– Нет больше никакого государя императора, – с угрозой сказал солдат, и красная повязка у него на рукаве вдруг показалась Зое особенно зловещей. Что означают эти слова? Неужели они убили дядю Ники? Не прошло и нескольких часов, а от их прежней жизни осталось только пепелище... Но неужели царь разделил участь Константина и Николая?

– Я приехала к Александре Федоровне, я хочу видеть ее и детей, – с той же властной интонацией, так противоречившей ее скромному облику, продолжала бабушка, не отводя глаз.

«Неужели и тетю Аликс убили?» – думала в ужасе Зоя, оцепенев.

Повисла пауза, казавшаяся бесконечной: солдат, оценивающе разглядывавший их, вдруг отступил, бросив через плечо своим:

– Пропустите. Пусть едут. А ты, старуха, запомни: царя больше нет. Час назад, в Пскове, он отрекся от престола. Мы теперь живем в новой, свободной России.

Он шагнул в сторону, Федор стегнул лошадь. «Новая Россия... конец всему прежнему... какие ужасающие потрясения ждут нашу страну» – эти мысли проносились в голове бледной как полотно графини.

– Бабушка, неужто это правда? Неужели дядя Ники?..

– Аликс нам сейчас все расскажет.

У подъезда Александровского дворца было на удивление безлюдно – исчезли даже неизменные часовые. И вокруг не было ни души. Лишь после того, как Федор громко постучал в массивную дверь, появились перепуганные слуги. Юсуповых впустили. Внизу, в вестибюле, было так же пусто, как и снаружи.

– Да куда же все подевались?! – воскликнула графиня.

– Ее величество наверху, с детьми, – вытирая слезы рукавом, ответила женщина из числа дворцовой прислуги.

– А государь? – Зеленые глаза графини, казалось, прожигали ее насквозь.

– Вы разве ничего не слыхали? – продолжая плакать, спросила женщина.

Сердце Зои замерло. «Господи, только не это...»

– Говорят, он отрекся в пользу брата, Михаила Александровича. Так нам сказали час назад какие-то солдаты. Но ее величество не верит...

– Но он жив? – Евгения Петровна перевела дух.

– Мы надеемся, что да.

– Слава богу. – Евгения Петровна оправила юбки, бросила колючий взгляд в сторону внучки. – Скажи Федору: пусть вносит вещи. – Ей совсем не хотелось, чтобы мятежники нащупали зашитые в подкладку драгоценности. И когда кучер внес баулы, приказала горничной проводить ее к царице.

– Я знаю дорогу, бабушка, пойдемте. – И Зоя медленно пошла по хорошо знакомым ей лестницам и переходам – всего несколько дней назад они с Мари пробегали по ним.

Александровский дворец казался вымершим. Зоя постучала в дверь Маши, но оттуда не доносилось ни звука. Она не знала, что великую княжну перевели в одну из комнат на половине императрицы, где за тяжело больной девочкой ухаживали сестры и Анна Вырубова. Так они шли по длинному коридору, пока не услышали наконец голоса. Зоя постучала, и дверь медленно открылась. На пороге возникла высокая тонкая фигура императрицы. В комнате были Анастасия и Мария. Увидев подругу, она заплакала.

Зоя, не находя слов, бросилась к ней и крепко ее обняла.

– Боже, Евгения Петровна! Какими судьбами? Что случилось?

При всей своей выдержке старая графиня не смогла справиться с волнением, когда обняла эту высокую, необыкновенно изящную женщину, казавшуюся смертельно измученной. Серые глаза царицы смотрели с неизбывной грустью.

– Мы приехали помочь вам, Аликс. И дольше оставаться в Петрограде было нельзя. Сегодня утром наш дом был предан огню. Мы едва спаслись.

– Это невозможно... – Потрясенная императрица медленно опустилась на стул. – А Константин?

Графиня побледнела, почувствовала вдруг, каким тяжким бременем легли ей на душу утраты, невосполнимость которых она в полной мере ощутила лишь сейчас, когда непосредственная опасность миновала. Она испугалась даже, что силы изменят ей и она упадет. Но – совладала с этой минутной слабостью.

– Он погиб, Аликс, – дрогнувшим голосом сказала она, но и теперь сумела не заплакать. – И Николай тоже... В воскресенье. А Наталья сгорела заживо сегодня утром. – Она не стала добавлять, что невестка сошла с ума. – Скажите... Это правда?.. О Ники? – Ей было страшно спрашивать, но она заставила себя задать этот вопрос. Она должна знать. Иначе происходящее так и останется непонятным.

– Вы имеете в виду отречение? Нет, это ложь. Это немыслимо. Они пугают нас. Сегодня я говорила с Ники по прямому проводу, и он ничего мне не сказал – ни слова. – Царица взглянула на трех девочек, которые плакали обнявшись: Зоя только что сообщила великим княжнам о гибели брата и разрыдалась. Мари, хоть и была очень слаба, пыталась как-то утешить подругу, поддержать ее. – Нас оставили все наши солдаты... и даже... – она запнулась, – и даже Деревянко бросил Беби.

Деревянко был одним из дядек наследника, находившихся при нем неотлучно со дня рождения. Сегодня рано утром, не сказав ни слова, он покинул дворец и своего воспитанника – ушел не оглянувшись. Второй дядька, Нагорный, сейчас находился с Алексеем в соседней комнате: он не оставит мальчика до смерти – его и своей. Там же был и доктор Федоров. Доктор Боткин вместе с гувернером Гиббсом уехал в Петроград за лекарствами.

– Не укладывается в голове... Наши матросы... Не могу поверить. Ах, если бы Ники был здесь!..

– Он скоро приедет, Аликс. Надо взять себя в руки... Как чувствуют себя дети?

– Все больны. Сначала я не смела, не решалась им сказать, но сейчас они все знают – нельзя было больше скрывать. Здесь граф Бенкендорф – он поклялся защищать нас. Вчера утром приехала баронесса Буксгевден. Вы останетесь, Евгения Петровна?

– Да, если это возможно. Возвращаться в Петроград сейчас нам нельзя. – И чуть было не добавила: «Ни сейчас, ни потом». Она все же надеялась, что жизнь войдет в прежнее русло. Иначе и быть не может. Стоит только приехать царю и... Разумеется, слухи об отречении – наглая ложь, намеренно повторяемая бунтовщиками и изменниками, чтобы запугать народ и подчинить его себе.

– Мы поместим вас в Машиной комнате, хорошо? А Зоя...

– Зоя будет со мной. Так, теперь чем я могу вам помочь, Аликс?

Императрица благодарно улыбнулась при виде того, как старая графиня сбросила с плеч шубу и поддернула манжеты своего скромного платья.

– Отдохните с дороги. Зоя пока побудет с девочками – пусть поболтают в свое удовольствие.

– Я не устала, пойдемте, Аликс, приведем остальных. – И с этой минуты Евгения Петровна стала деятельно ухаживать за больными – поить их с ложечки, обтирать влажными салфетками, перестилать постели.

Было уже около полуночи, когда наконец легли спать. Евгения Петровна скоро заснула, а Зоя, прислушиваясь к ее негромкому храпу, думала о том, что всего три недели назад она сидела в этой самой комнате с Машей, и та подарила ей флакончик ее любимых духов. Теперь все было разрушено, хотя никто из девочек еще не осознал этого. Да и она сама вряд ли понимает смысл происходящего – даже после всего того, что ей пришлось увидеть в Петрограде... А великие княжны больны и так бесконечно далеки от уличных беспорядков, от взбудораженных толп, от убийств и грабежей... Ей казалось, что у нее перед глазами навсегда останется объятый пламенем дом на Фонтанке и истекающий кровью Николай. И подумать только – прошло всего четыре дня... Зоя заснула, когда за окном уже брезжил рассвет. Она думала о том, скоро ли вернется государь, войдет ли жизнь в прежнюю колею, – и тут сон спутал ее мысли.

На следующий день к пятичасовому чаю приехал дядя царя, великий князь Павел, и сообщил, что Николай накануне отрекся от престола в пользу своего брата Михаила, который был просто ошеломлен свалившейся на него властью – он был совершенно не готов взять в

свои руки бразды правления. Только Аликс и доктор Федоров понимали, почему Николай не передал трон Российской империи сыну: хроническая и неизлечимая болезнь наследника держалась в тайне. Создано Временное правительство. Аликс молча выслушала эти новости. Ей хотелось только одного – увидеться и поговорить с мужем.

Назавтра, когда царь приехал в Ставку, в Могилев, чтобы попрощаться с армией, этот разговор состоялся. Аликс позвали к прямому проводу, когда она вместе с доктором Боткиным давала лекарство Анастасии. Царица бросилась к аппарату, надеясь, что он скажет: все ложь, но первые же слова убедили ее, что все, к несчастью, правда, и все кончено – и жизнь, и мечты, и династия. Николай пообещал скоро приехать и, как всегда, с нежной заботой расспрашивал о здоровье детей.

В воскресенье в Царское Село из Петрограда приехал генерал Корнилов справиться о том, не нуждается ли Аликс в чем-либо. Ее первая мысль была о раненых, за которыми она ухаживала в госпитале, и она попросила генерала помочь им продуктами и лекарствами. Она еще не привыкла к мысли, что это уже не «ее» раненые. Корнилов пообещал сделать все возможное, но что-то в его поведении навело царицу на тревожные мысли – несомненно, худшее было еще впереди. Она приказала Нагорному не отходить ночью от постели наследника и сама долго не ложилась спать. Далеко за полночь она наконец ушла к себе, и в ту же минуту раздался осторожный стук в дверь: Евгения Петровна принесла ей чашку чаю. Она заметила на глазах царицы слезы и погладила ее по плечу:

– Что я могу сделать для вас, Аликс?

Царица, сохраняя свой величаво-горделивый вид, чуть качнула головой. «Ничего сделать нельзя», – ответили ее глаза.

– Спасибо, милая Евгения Петровна, – сказала она вслух. – Я хочу только одного – чтобы Ники вернулся. Мне вдруг стало страшно за детей.

Евгения чувствовала то же, но не хотела пугать императрицу.

– Мы все рядом с вами, – сказала она.

Эти «все» – горсточка верных друзей. А остальные бросили, предали, изменили. Тяжесть становилась непереносимой, но Аликс знала: она должна сохранять твердость духа.

– Вам надо хоть немного отдохнуть, Аликс. Ложитесь, поспите.

Царица обвела блуждающим взглядом розовато-лиловые стены спальни.

– Мне надо... Мне надо... Я должна сегодня ночью сжечь дневники... и письма... Низкие люди могут использовать их против Ники...

– Ах, что вы... – И сейчас же графиня поняла, что эти опасения далеко не беспочвенны. – Вы позволите мне побыть с вами? – Императрица выглядела такой измученной и одинокой.

– Нет... Я хочу остаться одна... Простите, графиня.

– Понимаю... – И Евгения Петровна тихо вышла из спальни.

Аликс до самого утра сидела у камина, перечитывая свои дневники и письма и швыряя их в огонь одно за другим. Она сожгла все, включая письма от бабушки, королевы Виктории, все, кроме писем от Николая. Двое суток после этого она мучилась, но уничтожить переписку с любимым мужем так и не смогла.

В среду приехал генерал Корнилов и попросил о разговоре наедине. Его провели в один из кабинетов царя на первом этаже; Александра, высокая, прямая, встретила его стоя и, не предлагая сесть, стараясь не обнаруживать потрясения, выслушала. Ее, детей, всех домочадцев и прислугу брали под домашний арест. Она не могла поверить его словам, и тем не менее это было так. Близилась развязка, и надо было готовиться к ней. Генерал, подбирая слова, объяснил: каждый, кто пожелает, может остаться с бывшей царской фамилией, но тот, кто покинет Царское Село, назад уже допущен не будет. Аликс потребовалась вся ее воля и выдержка, чтобы не показать, как она ошеломлена этим известием.

– А мой муж?

– Очевидно, завтра утром он будет здесь.

– И будет заключен под стражу? – Эти слова дались ей с неимоверным трудом, но она должна была знать все. Все, что ожидало их, все, к чему надо было быть готовыми. После всех слухов следовало быть благодарными уже и за то, что их пока не убили...

– Ваш муж будет находиться под домашним арестом.

– А потом? – мертвенно побледнев, спросила царица.

Но ответ не был таким ужасающим, как она ожидала. Она думала теперь только о муже и детях, об их жизни и безопасности. Она с радостью пожертвовала бы ради них собой.

– Потом Временное правительство намерено отправить вашу семью в Мурманск, – ответил Корнилов, с невольным восхищением глядя на это поразительное самообладание. – А оттуда на миноносце вас привезут в Англию к королю Георгу.

– Понимаю. И как скоро это может произойти?

– В самое ближайшее время.

– Понимаю, – повторила царица. – Я дождусь приезда мужа и тогда сообщу обо всем детям.

– А как быть с... остальными?

– Я сегодня же скажу им, что они могут покинуть Царское Село, если пожелают, но вернуться назад будет уже нельзя. Так ли я вас поняла, генерал?

– Так.

– И вы не причините им вреда, когда они уедут? Не станете преследовать эту горсточку людей, оставшихся верными своему государю?

– Даю вам честное слово.

«У изменника нет чести», – чуть было не вырвалось у нее, но она сохранила величавое спокойствие до той самой минуты, когда Корнилов откланялся. После этого, собрав всех обитателей дворца, она сообщила им, что все они свободны и могут сегодня же покинуть Царское.

– Мы не вправе задерживать вас против вашей воли. Через несколько недель нас отправят в Англию... И может, для вас было бы разумней уехать тотчас – то есть до возвращения низложенного императора.

Аликс все-таки не могла поверить, что их поместили под домашний арест только для их собственной безопасности.

Но никто не воспользовался представившейся возможностью. Утром следующего дня – хмурого и холодного – вернулся наконец бледный и измученный Николай. Узнав о его приезде, Аликс поспешила вниз и пошла навстречу мужу по бесконечному вестибюлю дворца. Глаза ее красноречивей всяких слов выражали то, чем было полно ее сердце, – безмерную любовь и сострадание. Он двинулся ей навстречу и крепко обнял. По-прежнему не произнося ненужных слов, они стали подниматься по лестнице к детям.

Глава 6

Дни, последовавшие за возвращением Николая Александровича, были проникнуты страхом и безмолвным напряжением, смешанным с чувством радости оттого, что он дома и ему ничего не грозит. Да, он потерял все, но по крайней мере сохранил жизнь. Он часами сидел с наследником, и Александра могла больше внимания уделять дочерям. Хуже всех чувствовала себя Маша – у нее после кори началась жестокая пневмония. Мучительный кашель сотрясал ее тело, и постоянно держался жар. Зоя не отходила от постели подруги.

– Маша, ну, ради меня... сделай глоточек...

– Не могу... Горло очень болит... – Маша едва могла говорить. Кожа ее была сухой и горячей. Зоя смачивала ей лоб туалетной водой и вполголоса вспоминала, как они прошлым летом играли в Ливадии в теннис.

– Помнишь, государь снял нас всех... Такая глупая фотография – мы все в куче. Она у меня с собой. Хочешь взглянуть?

– Потом, Зоя... Глаза режет... Мне так плохо...

– Тсс, тебе нельзя говорить. Постарайся уснуть. А когда проснешься – покажу тебе снимок.

Чтобы развлечь Машу, Зоя даже привела в комнату Саву, но и она не заинтересовала больную. Оставалось надеяться, что, когда придет время отправляться в Мурманск, а оттуда морем – в Англию, Маша уже оправится от болезни. Отъезд должен был состояться через три недели, и Николай дал, как он сам сказал, свой последний императорский указ: всем выздороветь. Выслушав его, все заплакали. Государь изо всех сил старался приободрить и утешить детей, как-нибудь развеселить их. И он, и Аликс выглядели день ото дня все хуже. Как-то Зоя встретила Николая в коридоре и поразилась мертвенной бледности его лица. Через час она поняла причину. Король Георг, его двоюродный брат, отказался принять Романовых. Почему – пока неизвестно. Но ясно было одно: в Англию они не едут. Николай давно уже просил Евгению Петровну и Зою не разлучаться с ними, но теперь никто не знал, чего ждать.

– Что же теперь будет, бабушка? – испуганно спрашивала Зоя в тот же вечер. – Что, если их не выпустят из Царского и убьют здесь?

– Не знаю, дитя мое. Николай Александрович скажет нам, когда дело решится. Может быть, их отправят в Ливадию.

– Нас убьют?

– Что за дурацкие мысли, Зоя! – оборвала ее Евгения Петровна, хотя эти «дурацкие мысли» не давали покоя и ей самой.

Теперь, когда рухнула надежда на англичан, было решительно непонятно, откуда подкрадется опасность. Куда ехать? Путь в Ливадию сопряжен с риском. Пока они безвыездно сидели в Царском, Николай старался сохранять спокойствие сам и успокаивал близких. Но разве могли они не волноваться?

На следующее утро Зоя, подбежав на цыпочках к окну, увидела, как государь и Евгения Петровна прохаживаются по заснеженному саду. Вокруг никого не было, их стройные, подтянутые фигуры четко вырисовывались на снегу. Зое показалось, что ее бабушка, державшаяся на удивление прямо, плачет. Николай осторожно обхватил ее за плечи, и оба скрылись за углом дворца.

Вскоре Евгения Петровна вошла в комнату и опустилась на стул – глаза ее были печальны. Она посмотрела на внучку: еще несколько недель назад Зоя была ребенком, а сейчас как-то вдруг повзрослела. Она стала еще тоньше и изящней, но бабушка знала: ужас последних событий закалил ее, и хрупкость Зои была обманчива. Что ж, сейчас и ей, и им всем понадобятся все их силы.

– Зоя... – начала старая графиня и замолчала, не зная, как сказать ей то, что намеревалась. Но Ники прав. Она отвечает за жизнь Зои, за то, чтобы жизнь эта была долгой, счастливой и не оборвалась на самом взлете. Ради этого Евгения охотно пожертвовала бы своей собственной жизнью.

– Что-нибудь случилось? – спросила Зоя, и вопрос этот звучал нелепо, если вспомнить все, что случилось за последние две недели. Однако Зоя чувствовала, что грядут новые беды и новые испытания.

– Я только что имела разговор с государем, Зоя. Он советует... он настаивает, чтобы мы с тобой покинули Царское... пока это еще возможно.

Зоины глаза мгновенно наполнились слезами. Она бросилась к бабушке и опустилась перед ее стулом на пол.

– Но почему? Мы ведь обещали, что останемся с ними и поедем туда, куда поедут они... И ведь они же скоро уедут? Или нет? Не уедут?

Старая графиня медлила с ответом, не желая лгать и не смея сказать правду. Наконец она все же решилась:

– Не знаю, Зоя. Видишь, англичане отказались принять государя. Ники опасается, что дело может принять совсем нежелательный оборот: их будут держать здесь под арестом или даже могут перевести еще куда-нибудь. Нас всех разлучат, а он... он не в силах защитить нас. Здесь, среди этих дикарей, я буду бояться, Зоя, за твою жизнь. Ники прав: надо уезжать, пока это еще возможно. – Она печально глядела на свою повзрослевшую внучку, но и представить не могла, какую бурю негодования вызовут ее слова.

– Я никуда не поеду! Никуда! Я не брошу их ни за что!

– Нет, поедешь! Иначе ты окажешься в Сибири – одна! Без них! В ближайшие день-два нам надо бежать. Государь предполагает, что скоро с ним перестанут церемониться. Революционеры не хотят, чтобы он оставался вблизи от столицы, Англия его не принимает. Что же остается? Положение очень серьезно.

– Я умру вместе с ними! Вы не заставите меня покинуть их!..

– Заставлю, если понадобится. Ты будешь поступать так, как я скажу. Дядя Ники тоже советует нам уехать. Не советует, а велит. И ты не смеешь его ослушаться! – Графиня была слишком измучена, чтобы спорить с Зоей, но понимала, что должна напрячь остаток сил и убедить ее.

– Как же я оставлю Мари?.. Ей так плохо!.. И у меня никого больше нет. – По-детски всхлипывая, Зоя положила голову на скрещенные руки, а руки бессильно уронила на стол – тот самый, за которым всего месяц назад она сидела с Мари. Та расчесывала ей волосы, они болтали и смеялись. Куда исчезла прежняя жизнь? Что случилось с ними со всеми? Где Николай? Где отец? Где мама?

– У тебя есть я, – промолвила Евгения Петровна. – Ты должна быть сильной. Нужно быть сильной – это от тебя требуется сейчас. Ты должна, Зоя. Должно делать то, что должно.

– Но куда же мы поедем?

– Пока не знаю. Государь сказал, что устроит все. Может быть, нас доставят в Финляндию, а оттуда переберемся во Францию или в Швейцарию.

– Но ведь мы никого там не знаем. – Зоя подняла залитое слезами лицо.

– Что ж поделаешь, дитя мое. Будем уповать на милосердие божье и исполнять волю нашего государя.

– Бабушка, я не могу... – взмолилась Зоя, но старая графиня оставалась непреклонна. Она была тверда как сталь и исполнена отчаянной решимости. Не Зое было тягаться с нею, и обе они сознавали это.

– Ты не должна и не имеешь права говорить о нашем отъезде детям. Хватит с них своих собственных горестей и тревог. Нечего взваливать им на плечи еще и наше бремя – это будет непорядочно.

– Но что же я скажу Маше?

Слезы стояли в глазах старой графини, когда она, глядя на бесконечно любимую внучку, хрипловатым шепотом, полным скорби по тем, кого они уже потеряли, и тем, кого им еще предстоит потерять, произнесла:

– Скажи ей, как сильно и верно ты ее любишь.

Глава 7

Зоя, осторожно ступая, прокралась в спальню Мари и долго стояла у ее постели. Очень не хотелось будить больную, но и исчезнуть, даже не попрощавшись, Зоя не могла. Разлука казалась непереносимой, но пути назад уже не было. Евгения Петровна стояла внизу в ожидании. Николай все продумал: они ехали кружным путем – через Финляндию, Швецию и Данию. Николай дал им адреса друзей в Копенгагене. Федор сопровождал старую графиню и барышню. Итак, все было решено. Оставалось лишь сказать последнее «прости» подруге. Зоя видела, как Маша в жару мечется по постели. Но вот она открыла глаза и улыбнулась знакомому лицу. Зоя изо всех сил сдерживала слезы. В тишине спальни раздался ее шепот:

– Как ты себя чувствуешь?

В соседней комнате спали три другие великие княжны. Все они уже поправлялись, и только состояние Мари все еще внушало опасение врачам. Зоя старалась сейчас об этом не думать – об этом и вообще ни о чем. Прошлое было отрезано напрочь, будущее – туманно: вспоминать было слишком мучительно, а загадывать – бессмысленно. Был только этот миг – мимолетный миг прощания. Зоя склонилась над Машей и нежно прикоснулась к ее щеке. Маша приподнялась в постели:

– Что-нибудь случилось?

– Нет, ничего... Просто мы с бабушкой уезжаем... в Петроград. – Она обещала Аликс, что не скажет Маше правды – это было бы для нее слишком сильным ударом. Но великая княжна каким-то шестым чувством поняла, что происходит нечто необычное, и в тревоге сжала руку подруги своей горячей рукой:

– Это не опасно?

– Нет, конечно, – солгала Зоя, откинув назад свои огненные волосы. – Государь иначе не позволил бы нам ехать. – И взмолилась про себя: «Только бы мне не заплакать». Она протянула Мари стакан воды, но та отвела ее руку, стараясь заглянуть в глаза:

– Нет, тут что-то не то... Вы уезжаете?..

– Домой, и всего на несколько дней... Совсем скоро мы снова будем вместе. – Она подалась вперед и обняла Машу, крепко прижав ее к себе. – Ты скоро выздоровеешь – слишком уж долго на этот раз ты хвораешь. – Они обнялись еще крепче, а потом Зоя с улыбкой высвободилась: бабушка и Федор ждали ее.

– Ты напишешь мне?

– Конечно! – Не в силах уйти, она неотрывно глядела на подругу, словно впитывая ее взглядом, словно желая навсегда унести с собой и пожатие этой горячей руки, и холодящее прикосновение накрахмаленных простыней, и взгляд огромных синих глаз. – Я люблю тебя, Маша! – прошептала она, вложив в эти слова всю свою нежность. – Я так люблю тебя! Выздоравливай поскорей!..

Она в последний раз наклонилась поцеловать Машу, почувствовала под пальцами мягкие вьющиеся волосы, рассыпанные по подушке, – и, резко повернувшись, почти побежала к двери, а на пороге, помедлив еще мгновение, помахала. Но глаза Маши были закрыты, и Зоя выскользнула за дверь, только в коридоре дав волю слезам, давно уже подступавшим к горлу.

Со всеми остальными она простилась полчаса назад, но все же у дверей наследника остановилась.

– Можно? – вполголоса спросила она, увидев там Нагорного, Пьера Жильяра и доктора Федорова – он как раз собирался уходить.

– Спит, – сказал доктор, ласково дотронувшись до ее руки.

Зоя только кивнула и побежала по знакомой лестнице вниз, где ее ждали Николай, Аликс и Евгения Петровна. Федор был на дворе, запрягая в сани пару лучших лошадей из царской

конюшни. На подгибающихся ногах Зоя двинулась навстречу царю и царице. Душевные ее силы были на исходе. Ей хотелось, чтобы время замерло или потекло вспять, а она – кинулась бы наверх, в спальню Мари... Она чувствовала себя так, будто предавала их всех: какая-то неодолимая сила отрывала ее от них.

– Ну, как она? – с беспокойством спросила Александра, заглядывая ей в глаза: она надеялась, что дочь не поняла истинный и мучительный смысл происходящего.

– Я сказала, что мы ненадолго должны вернуться в Петроград. – Зоя теперь уже не сдерживала слез.

Плакала и Евгения Петровна. Николай поцеловал ее в обе щеки и крепко сжал ее руки; в глазах его застыла безмерная печаль, но губы по-прежнему улыбались. Старая графиня слышала, как рыдал государь в ночь своего возвращения, но на людях он всегда был сдержан и собран, его отчаяние было скрыто от посторонних глаз. Напротив, он старался всех подбодрить и вселить в душу каждого надежду и спокойствие.

– В добрый час, Евгения Петровна, с богом! Будем надеяться на скорую встречу.

– Мы будем молиться за вас. – Графиня поцеловала его. – Храни вас бог. – Она повернулась к Александре: – Берегите себя, не надрывайтесь... Бог даст, дети скоро будут здоровы.

– Напишите нам, – печально произнесла та. – Мы будем с нетерпением ждать от вас весточки. – И обернулась к Зое, которую знала со дня ее появления на свет: они с Натальей родили дочерей чуть ли не в один и тот же день, и все восемнадцать лет жизни Зои прошли у нее на глазах. – Будь умницей, слушайся бабушку... – И крепко прижала ее к своей груди – на миг ей показалось, что она расстается с родной дочерью.

– Прощайте, тетя Аликс... Я так люблю вас... Вас всех... Я не хочу ехать... – еле выговорила Зоя, рыдая. Николай обнял ее с отцовской нежностью.

– И мы все любим тебя, Зоя, любим и всегда будем любить. Ничего, когда-нибудь мы снова будем все вместе... Верь в это, Зоя. Господь да пребудет с вами. До свидания, дитя мое... – С легкой улыбкой он чуть-чуть отстранил припавшую к его груди Зою. – Пора.

Он подал ей руку и торжественно повел к саням. Александра держала под руку старую графиню. Пока они садились в сани, вокруг собрались последние дворцовые лакеи. Они тоже плакали. Зоя, которую они знали с детства, уезжала, а вскоре за нею последуют и их господа. И страшно было представить, что никто уже не вернется. Только об этом и могла думать Зоя. Федор тронул лошадей, взявших с места бодрой рысью, и фигуры Николая и Александры, которые махали вслед, стали расплываться в серых сумерках.

Прижимая к себе собачку, Зоя обернулась. Щенок заскулил, словно сознавал, что никогда больше не увидит родного дома. Зоя уткнулась лицом в плечо Евгении Петровны: она не могла больше смотреть, как тают позади силуэты царя и царицы, и Александровский дворец, и вот уже в снежной пелене скрылось все Царское Село. Зоя разрыдалась. Маша... Машенька... Мари, ее единственная и лучшая подруга... Она лишилась ее, как лишилась отца, матери, брата... Она плакала горько и безутешно, а Евгения Петровна сидела прямо и не утирала слез, замерзавших на щеках: позади оставалась целая жизнь, все, что знала она и любила, – все это сгинуло, растаяло дымом. Лошади уносили их все дальше и дальше от дома, от прежнего мира, от дорогих и близких.

– Прощайте, дорогие мои... – по-французски прошептала бабушка, – прощайте.

Теперь на всем свете они остались вдвоем – старуха и девочка, только начинающая жить. Прежний мир исчезал за спиной. Николай и его семья уходили в историю. Ни Евгения Петровна, ни Зоя никогда не забудут их – и никогда больше не увидят.

Часть II
ПАРИЖ

Глава 8

От Царского Села до станции Белоостров на финской границе добрались за семь часов, хотя путь был недальний, – просто Федор избегал большаков и кружил по проселочным дорогам. Так на прощание посоветовал ему царь. К удивлению Евгении Петровны, границу они пересекли без особых сложностей. Им начали было задавать вопросы, но бабушка вмиг превратилась в дряхлую, выжившую из ума старуху, а Зоя выглядела в эти минуты совсем девочкой. Выручила Сава: пограничники отвлеклись на потешную собачонку и открыли шлагбаум. Лошади рванули. Беглецы вздохнули с облегчением. Федор, запрягая двух пристяжных из царских конюшен, предусмотрительно не взял ничего из сбруи и упряжи – то и другое было украшено двуглавыми орлами, которые неминуемо навлекли бы на них подозрения.

От Белоострова до Турку через всю Финляндию они ехали двое суток и добрались до места назначения глубокой ночью. Зое казалось, что она уже никогда не согреется: все тело ее онемело от долгого сидения. Бабушка тоже еле передвигала ноги и с трудом вылезла из саней. Даже Федор выглядел усталым. Переночевали в маленькой гостинице, а утром Федор по смехотворной цене, чуть не задаром, продал лошадей. Потом поднялись на борт ледокола, отправлявшегося через залив в Стокгольм. Еще один нескончаемый день на борту... Путешественники почти все время молчали, каждый был погружен в свои мысли.

Во второй половине дня они прибыли в Стокгольм и как раз успели на вечерний поезд в Мальме, там пересели на паром и утром оказались наконец в Копенгагене. Друзья, чьи адреса дал им царь, были за границей. А еще через сутки на британском пароходе Евгения Петровна, Зоя и Федор отплыли во Францию.

Зоя была ошеломлена калейдоскопом новых впечатлений, омраченных, впрочем, жестокой морской болезнью. Бабушке даже показалось, что у нее жар, но она отнесла это на счет изнурительного путешествия, продолжавшегося уже шестые сутки – на лошадях, поездом, морем. Немудрено было измучиться, если даже могучий Федор выглядел лет на десять старше своих лет. К усталости примешивалась и глубокая печаль – ведь им пришлось покинуть отчизну. Они мало говорили, почти не спали и совсем не испытывали голода – слишком сильны были тягостные потрясения последних дней. Все было брошено – и прежний уклад, и тысячелетняя история, и дорогие им люди, живые и мертвые. Это было непереносимо, и Зоя даже мечтала, что они не доберутся до Франции, а лягут на дно, потопленные торпедой германской субмарины. Здесь, вдали от России, свирепствовала не революция, а мировая война. Однако Зоя подумала о том, что погибнуть в бою – много легче, чем взглянуть в лицо нарождающемуся миру, который она не знала и не хотела постигать. Она вспомнила, сколько раз они с Машей мечтали, как отправятся в Париж, как там будет весело и романтично, каких дивных платьев они там накупят!.. Действительность оказалась совсем иной. Они с бабушкой располагали очень скромной суммой денег, которую вручил им перед отъездом царь, да зашитыми в подкладку драгоценностями. Евгения Петровна собиралась немедленно продать их по приезде в Париж. А ведь был еще Федор, наотрез отказавшийся оставаться в России – его там ничто не держало, и он не представлял себе жизни без своих господ. Бросить его было бы беспримерной жестокостью, тем более что он обещал не быть им в тягость, а сейчас же подыскать себе работу. Так что было еще неизвестно, кто кого будет кормить в Париже... Федор тоже страдал от мор-

ской болезни, ибо впервые в жизни плыл на пароходе, и с мученическим лицом цеплялся за леер фальшборта.

– Что же мы будем делать, бабушка? – печально спросила Зоя, усевшись в тесной каюте напротив Евгении Петровны.

Сгинули как дым императорские яхты, дворцы, праздники и балы, исчез уютный отчий дом и тепло семейного очага. Исчезли окружавшие их люди, привычный образ жизни и даже уверенность в том, что Зоя и завтра будет есть досыта. У них не осталось ничего, кроме собственных жизней, а жить Зое не очень-то хотелось. О, если бы можно было перевести стрелку часов назад, вернуться в прежнюю Россию, в мир, которого больше не существовало! К Мари... К людям, которых больше не было на свете, – к отцу, матери, Николаю!.. Даже нельзя узнать, поправляется ли Маша...

– Прежде всего подыщем квартирку, – ответила Евгения Петровна.

Она давно не бывала в Париже и вообще после смерти мужа почти не выходила из дому. Однако теперь она отвечала за жизнь Зои и ради внучки должна была собрать все свои силы, надежно устроить ей жизнь, а уж тогда... Господь продлит ее дни, чтобы она могла позаботиться о внучке. А та явно недомогала: сильно побледнела, отчего глаза стали казаться огромными, плохо выглядела. Коснувшись ее руки, графиня сразу поняла, что у девочки жар. Начался кашель, бабушка заподозрила воспаление легких. К утру кашель усилился, а по пути из Булони в Париж выяснилось, чем больна Зоя: на лице и руках, а потом и на всем теле появилась сыпь. Зоя заразилась корью! Бабушку это открытие не обрадовало: надо было как можно скорее доставить Зою в Париж, но дорога заняла десять часов. В Париже оказались около полуночи. Послав Федора за такси, всегда ожидавшими пассажиров у Северного вокзала, Евгения Петровна вывела Зою из вагона – та едва шла, почти повиснув на бабушке; лицо ее пылало, сделавшись почти такого же цвета, как волосы. Она надрывно кашляла и от жара с трудом осознавала происходящее.

– Я хочу домой, – хрипло пробормотала она, прижимая к груди собачку. Сава выросла за это время, прибавила в весе, и Зоя с трудом несла ее по перрону.

– Мы и едем домой, дитя мое. Сейчас Федор подгонит такси.

Но Зоя расплакалась совершенно по-детски: юная женщина исчезла, на Евгению Петровну глядел сквозь слезы больной измученный ребенок:

– Я хочу в Царское!..

– Потерпи, Зоенька, потерпи еще немного, скоро мы будем дома, – уговаривала ее бабушка.

Федор уже отчаянно махал им рукой, и Евгения Петровна мягко втолкнула Зою на сиденье таксомотора, а сама села возле. Федор с вещами поместился рядом с водителем – таким же пожилым и потрепанным, как и его автомобиль. Все молодые и здоровые были на фронте. Но куда же ехать? Они никого не известили о своем приезде и не забронировали номер по телеграфу.

– Alors?.. On y va, mesdames? – улыбнулся шофер и, с удивлением заметив, что Зоя плачет, спросил: – Elle est malade?[1]

Евгения Петровна поспешила заверить его, что ее внучка совершенно здорова, но страшно утомлена, как и она сама.

– Откуда вы, мадам? – любезно поинтересовался шофер, пока Евгения Петровна лихорадочно вспоминала название отеля, в котором останавливалась когда-то с мужем... Немудрено: ей было восемьдесят два года, и она была измучена дорогой. А Зою нужно было срочно уложить в постель и вызвать к ней доктора.

[1] Ну-с... поехали, сударыни? Она больна? (фр.)

– Скажите, не знаете ли вы какой-нибудь отель – небольшой, чистый и не слишком дорогой? – не отвечая на вопрос, спросила она.

Пока шофер раздумывал, она с опаской придвинула поближе свою сумку, где лежал последний и самый ценный подарок императрицы – пасхальное яйцо, сделанное по ее заказу Карлом Фаберже три года назад. Это было подлинное произведение искусства – розовая эмаль, отделанная бриллиантами. Евгения Петровна знала, что это ее последний ресурс: когда все кончится, придется жить на деньги, вырученные от продажи этого творения Фаберже.

– В какой части города, мадам?

– В приличном квартале, разумеется. – Потом можно будет перебраться в гостиницу получше, а сегодня ночью им нужны только крыша над головой и три кровати. Пока обойдемся без роскошеств, думала Евгения Петровна.

– Неподалеку от Елисейских Полей есть недурной отель, мадам. Ночной портье – мой родственник.

– Там не очень дорого? – резко спросила Евгения Петровна.

В ответ водитель неопределенно пожал плечами. Его пассажиры были не слишком хорошо одеты, старуха – так и вовсе как крестьянка, и денег у них, по всей видимости, негусто. Однако она хорошо говорила по-французски. И девочка, наверно, тоже. Она плакала всю дорогу, плакала и кашляла. Будем надеяться, у нее не чахотка...

– Не очень.

– Хорошо. Везите нас туда, – властно приказала Евгения Петровна.

«Сразу видно – дама старого закала», – подумал водитель.

Отель, стоявший на улице Марбеф, в самом деле был невелик, но выглядел прилично, и в вестибюле было чисто. Комнат было всего десяток, но портье заверил, что два свободных номера найдутся. Евгению Петровну неприятно поразило, что ванной комнаты в номере не было – приходилось пользоваться общим туалетом на первом этаже, но даже и это в конечном счете не имело значения. Были кровати, было свежее постельное белье. Она раздела Зою, спрятала сумку под матрас. Федор внес в номер остальные вещи. Он согласился взять Саву к себе. Уложив Зою, графиня спустилась к портье и попросила послать за доктором.

– Вам нездоровится, мадам? – спросил он: Евгения Петровна была очень бледна и едва держалась на ногах.

– Больна моя внучка. – Она не стала говорить, чем именно, но доктор, появившийся часа через два, подтвердил диагноз: корь.

– И в тяжелой форме, мадам. Где, по-вашему, она могла заразиться?

Ответ «во дворце императора всероссийского, от его дочерей» прозвучал бы нелепо, и потому графиня ответила так:

– Мы приехали издалека и долго были в дороге. – Взглянув в ее печальные и мудрые глаза, доктор понял, что эти женщины прошли через многие испытания, но он и представить себе не мог, что пришлось им вынести за последние три недели, как мало осталось им от их былой жизни и как страшит их грядущее. – Мы из России, – продолжала она. – В Париж добирались через Финляндию, Швецию и Данию...

Доктор с изумлением посмотрел на нее и вдруг понял, кто перед ним. В последнее время в Париж по такому же маршруту уже попадали люди из России, бежавшие от революции. Ясно было, что с каждым месяцем их будет все больше – тех, кто сумеет вырваться. Уцелевшая русская знать хлынет за границу, и ее бо#льшая часть осядет в Париже.

– Мне очень жаль, мадам...

– И мне тоже. – Графиня печально улыбнулась. – Значит, воспаления легких нет?

– Пока нет.

– Кузина, от которой она заразилась, заболела пневмонией.

– Посмотрим. Я сделаю все, что будет в моих силах, и завтра утром навещу ее.

Однако к утру состояние Зои ухудшилось: она вся горела и то бредила, то впадала в полное беспамятство. Доктор прописал ей какое-то лекарство, добавив, что на него вся надежда. Когда еще через сутки портье сообщил Евгении Петровне, что Америка объявила войну Германии, эта новость оставила ее совершенно равнодушной. Какое ей было дело до войны и какое все это имело значение по сравнению с тем, что происходило рядом?

...Евгения Петровна сидела в номере, послав Федора за лекарством и фруктами. Федор проявлял чудеса изворотливости, добывая в Париже, где еду и все прочее отпускали по карточкам, то, чего требовала от него графиня. Он был очень рад тому, что повстречал водителя такси, говорившего по-русски: как и Юсуповы, тот совсем недавно попал в Париж. Он был князем и петербуржцем и дружил с Константином – все это Евгения Петровна не дала рассказать Федору: ей некогда было его слушать, здоровье Зои все еще очень тревожило ее.

Прошло еще несколько дней, прежде чем Зоя очнулась, обвела взглядом незнакомую убогую комнатку, посмотрела на бабушку и только тогда вспомнила, что они в Париже.

– Сколько же времени я больна? – спросила она, пытаясь приподняться в постели. Она испытывала страшную слабость: разве что кашель не терзал ее, как прежде.

– Со дня нашего приезда, дитя мое, почти целую неделю. Ты заставила нас с Федором поволноваться. Он обегал весь город, ища для тебя фруктов. Здесь – как в России: почти ничего нет.

Зоя кивнула, словно в ответ своим мыслям, и, глядя в окно, произнесла:

– Теперь я знаю, каково было Маше... Наверно, еще хуже, чем мне... Поправилась ли она?..

– Не надо об этом думать, – с мягким упреком сказала бабушка. – Конечно, поправилась: ведь прошло уже две недели, как мы покинули Россию.

– Да? – вздохнула Зоя. – А кажется – целая вечность...

Так казалось и Евгении Петровне, которая почти не спала с того дня, как они бежали из Царского Села, – она лишь изредка дремала на стуле, чтобы не беспокоить горевшую в лихорадке Зою и оказаться рядом, если внучка попросит чего-нибудь. Теперь она наконец могла дать себе роздых и лечь в ногах единственной в номере кровати.

– Завтра ты сможешь уже встать... А пока надо побольше есть, спать, набираться сил. – Она потрепала Зою по руке, а та слабо улыбнулась в ответ:

– Спасибо, бабушка. – И со слезами на глазах девушка прижалась щекой к этой когда-то изящной, а теперь изуродованной подагрическими шишками руке, сейчас же напомнившей ей детство.

– За что, глупенькая? За что ты меня благодаришь?

– За то, что привезли меня сюда, за ваше мужество, за то, что спасли нас. – Только в этот миг Зоя осознала, каких сверхъестественных усилий все это потребовало от Евгении Петровны. Ее мать, к примеру, не смогла бы сделать ничего подобного: вывозить, лечить, спасать пришлось бы ее самое.

– И здесь люди живут, Зоя. Вот увидишь, жизнь наладится, и тогда можно будет без душевной муки оглянуться на прошлое...

– Не могу в это поверить... Не могу представить себе время, когда воспоминания не будут так ранить.

– Время очень милосердно, друг мой, оно пожалеет и нас, обещаю тебе. Все будет хорошо.

Однако совсем не так, как было в России. Зоя отгоняла эти мысли, но, когда Евгения Петровна уснула, она слезла с кровати и достала из своего саквояжа фотографию, сделанную в Ливадии прошлым летом. На снимке она, Мария, Анастасия, Ольга и Татьяна дурачились на пляже, а Николай подстерег этот миг и запечатлел его. Как это было глупо – и как прекрасно!.. И великие княжны, застывшие в нелепых и смешных позах, казались такими краси-

выми, такими милыми!.. С ними она росла, их она любила – Татьяну, Анастасию, Ольгу. И, конечно, Машу...

Глава 9

Оправлялась после болезни Зоя медленно, но все же, когда в Париж пришел прекрасный апрель, ожила. Она заметно изменилась: стала серьезней и как-то взрослей, но иногда – и все чаще – ее зеленые глаза смеялись, как прежде, радуя Евгению Петровну.

Отель на улице Марбеф явно был им не по карману, надо было подыскивать квартиру. Они уже истратили бо#льшую часть полученных от царя денег, и к середине мая стало ясно, что придется продавать драгоценности, чтобы хоть как-то свести концы с концами.

И вот в один прекрасный день, оставив Зою и Федора в отеле, Евгения Петровна с извлеченным из-за подкладки рубиновым ожерельем отправилась в ювелирный магазин на улицу Камбон. Кроме ожерелья, она несла пару сережек, пропутешествовавших через четыре границы под пуговицами на жакете.

Она вызвала такси, и автомобиль уже ждал ее у подъезда отеля. Усевшись, бабушка назвала адрес шоферу, но тот неожиданно повернулся и посмотрел на нее. Это был высокий, представительный мужчина с седой головой и белоснежными, тщательно подстриженными усами.

– Быть этого не может!.. Графиня, вы ли это? – воскликнул он по-русски.

Евгения Петровна пригляделась повнимательней, сердце ее забилось: за рулем парижского такси сидел князь Владимир Марковский, один из близких приятелей Константина, известный в Петрограде тем, что его старший сын сватался к великой княжне Татьяне и получил решительный отказ. Татьяна считала его слишком легкомысленным и беспутным. Впрочем, он, как и его отец, пользовался в высшем свете большим успехом.

– Какими судьбами?!

Графиня, засмеявшись, покачала головой, дивясь таким поворотам судьбы. Она уже не раз видела на парижских улицах знакомые лица, а двое шоферов такси оказались русскими. Русские аристократы, прекрасно воспитанные, обходительные, но ничего не умевшие, могли заработать себе на пропитание только за рулем такси. При виде князя Владимира на нее нахлынули воспоминания, одновременно и горькие, и сладостные, и она со вздохом рассказала ему, как они с Зоей сумели покинуть Россию. Сам князь попал в Париж тем же путем, но подвергался на границе несравненно бо#льшим опасностям.

– Вы остановились здесь? – Он показал на отель.

– Пока да. Но нам с Зоей скоро придется снимать квартиру.

– Ах, так и Зоя с вами?! Да ведь она совсем еще ребенок. А Наталья? – Князь, как выяснилось, ничего не слышал о гибели жены Константина, которую всегда считал женщиной необыкновенно красивой, но вздорной.

– Ее убили... Всего через несколько дней после того... как погиб Константин... И Николай, – медленно, с трудом ответила графиня: ей больно было произносить дорогие имена, тем более что князь был дружен с ее сыном.

Владимир скорбно кивнул: он сам потерял двоих сыновей, а в Париж приехал с незамужней дочерью.

– Примите, графиня, мои...

– Да-да, несчастье никого не обошло стороной. Но ужасней всего судьба государя. Вы что-нибудь знаете о нем, об Александре?..

– Ничего, кроме того, что они все еще содержатся под стражей в Царском, и один бог знает, сколько еще продлится это заточение. По крайней мере, там они если не в безопасности, то хотя бы дома. – В России больше никто не мог считать себя в безопасности. – Вы намерены остаться в Париже? – Русским эмигрантам больше некуда было податься, и с каждым днем прибывали новые и новые толпы беженцев, переполняя и без того густозаселенный город.

– Да, по-видимому. Здесь все-таки лучше, чем где-нибудь еще. Здесь нам ничто не угрожает, и я могу не трястись за жизнь Зои.

– Я подожду вас, Евгения Петровна? – спросил князь, остановив машину у входа в ювелирный магазин.

От звуков русской речи сердце графини начинало биться сильней – к ней ведь так давно никто не обращался по имени и отчеству.

– Вас это не слишком обременит? – сказала она, хотя ей бы очень хотелось, чтобы князь Владимир дождался ее возвращения и доставил домой, в отель, особенно если при ней будут деньги, вырученные от продажи колье.

– Ну что вы, нисколько!

Он открыл перед графиней дверцу, помог выйти и проводил до дверей магазина. Нетрудно было понять, зачем приехала к ювелиру графиня Юсупова. Вся русская эмиграция делала то же самое, продавая драгоценные безделушки, вывезенные с собой и припасенные на черный день. День этот настал для очень многих.

Через полчаса Евгения Петровна, держась особенно прямо и величественно, вышла из магазина. Князь, ни о чем не спрашивая, привез ее в отель, подал руку. Графиня была явно подавлена: не по годам ей было все это – жить на чужбине, где не от кого ждать помощи и участия, распродавать драгоценности, заботиться о юной внучке. Князь не помнил, сколько лет Зое, но полагал, что она много моложе его тридцатилетней дочери.

– Все прошло хорошо? – с некоторым беспокойством спросил он, когда у входа в отель графиня затравленно обернулась к нему.

– Более или менее, – ответила она. – Времена не выбирают. – И снова взглянула на князя. Он был очень красив в молодости, да и сейчас еще тоже, но, как и она сама, как все они, сильно изменился здесь, в Париже. Да, преобразились люди, неузнаваемой стала сама жизнь – всему виною революция. – А времена настали лихие, не правда ли, Владимир?

Ну, хорошо, а чем они станут жить, когда будет нечего продавать ювелирам? Ни она, ни Зоя не умеют водить машину, а Федор не знает ни слова по-французски и вряд ли когда-нибудь сумеет объясниться. Сейчас он скорее обуза, чем подспорье... Но можно ли бросить его – он так бесконечно предан их семье, так верно служил ей, он помог им бежать... Нет, она несет ответственность и за него тоже... Однако два номера в отеле стоят – простая арифметика – вдвое дороже, чем один... Денег за рубиновое колье и серьги она выручила немного, хватит их ненадолго... Что дальше? Надо что-то придумать. Может быть, начать шить, брать заказы?.. Одолеваемая этими тягостными мыслями, графиня довольно рассеянно попрощалась с князем, за этот час она как будто постарела на несколько лет. Марковский поцеловал ей руку и наотрез отказался взять деньги за проезд. Вряд ли они с ним увидятся еще когда-нибудь.

Однако через два дня, спустившись в вестибюль вместе с Зоей и Федором, она неожиданно увидела князя.

Он склонился к ее руке, а потом взглянул на Зою, явно поразившись тому, какая красавица выросла из маленькой девочки, которую он знавал когда-то. Она была очень хороша собой и обещала еще большее.

– Прошу прощения, графиня, что вмешиваюсь не в свое дело, но... но тут сдается квартирка... Маленькая, зато возле самого Пале-Рояль... Я подумал: может быть, она вам подойдет? Вы ведь сказали тогда, что подыскиваете жилье, вот я и... Там две комнаты... – Он виновато посмотрел на старика Федора. – В тесноте, да не в обиде...

– Святые слова. – Графиня улыбнулась ему как самому близкому другу. Как отрадно было увидеть знакомое лицо, даже если в Петрограде они виделись лишь изредка. Князь Владимир был человек из прежнего мира, из той жизни, которая еще не успела забыться. Она поспешила представить ему внучку, а потом сказала: – Мы с Зоей прекрасно поместимся в одной комнате. Здесь, в отеле, мы даже спим на одной кровати – и ничего.

– Конечно, ничего, – улыбнулась Зоя, с любопытством поглядев на высокого, видного русского.

– Тогда я попрошу хозяина оставить ее за вами? – спросил князь. Он тоже явно заинтересовался Зоей, но бабушка предпочла этого не заметить.

– Может быть, мы ее прямо сейчас и посмотрим? Мы все равно шли гулять.

В такой погожий и ясный майский день трудно было представить, что где-то льется кровь, что Европа объята пламенем войны, в которую вступила теперь и Америка.

– Ну что же, я отвезу вас туда, и, быть может, вам позволят осмотреть квартиру.

Усадив Федора рядом, а обеих дам на заднее сиденье, князь покатил по улицам Парижа, одновременно рассказывая новости. За последние дни появилось еще несколько беглецов, но никто из них не знал о судьбе царя и его семьи.

Зоя внимательно слушала. Большая часть имен, которые называл князь, была ей знакома, хотя близких друзей среди новоприбывших не было. Владимир, кстати, упомянул и Дягилева – он тоже в Париже и собирается ставить очередной балет. Спектакль пройдет в Шатле, а на будущей неделе состоится генеральная репетиция. Зоя почувствовала, как заколотилось ее сердце: она была как в тумане и даже не замечала, по каким улицам они едут.

Квартирка и вправду оказалась маленькой, зато окна ее выходили в соседний очень ухоженный сад. Состояла она из двух спален, крошечной гостиной и кухоньки. Туалет помещался внизу, на первом этаже: им пользовались и обитатели трех соседних квартир. Разумеется, это жилье отличалось от дворца на Фонтанке, как небо от земли, и было еще скромней, чем номер в отеле на рю Марбеф, но выбирать не приходилось. Евгения Петровна объяснила Зое, какую смехотворную сумму получила она за колье. Конечно, у них оставались и другие драгоценности, но было ясно, что этого хватит ненадолго.

– Да, конечно, она маловата... – не без смущения заметил князь.

– Это то, что нам надо! – решительно отрезала Евгения Петровна, уловив, правда, гримаску разочарования на лице Зои.

В коридоре отвратительно пахло мочой и кухонным чадом. Ничего: можно побрызгать духами и пошире открыть окна, выходящие в этот чудный сад. Главное, что это им по карману. Графиня с признательной улыбкой повернулась к Марковскому и принялась благодарить его.

– Не стоит, Евгения Петровна, мы должны поддерживать друг друга, – ответил он, не сводя глаз с лица Зои. – Я отвезу вас в отель.

Перебраться было решено на будущей неделе, а пока бабушка принялась составлять список вещей, включавший только самое-самое необходимое.

– Вы знаете, если положить хорошенький коврик на пол, комната будет казаться просторней, – весело говорила она, стараясь не вспоминать о тех великолепных коврах ручной работы, которые украшали ее дом в Петербурге. – Как ты считаешь, Зоя?

– А? Простите, бабушка, что вы сказали? – переспросила Зоя, которая смотрела в окно автомобиля на проплывающие мимо Елисейские Поля и думала совсем о другом – о том, что нужно предпринять отчаянный и решительный шаг. Тогда они смогут жить хоть и не во дворце, как раньше, но и не в этой смрадной каморке. Она мечтала поскорее добраться до отеля: пусть бабушка займется своими списками, пусть пошлет Федора по магазинам за ковриком, посудой и прочим, а она...

Поблагодарив Марковского, они поднялись в номер, и тут, к изумлению Евгении Петровны, Зоя заявила, что хочет пройтись, а Федор ей совершенно не нужен.

– Обещаю вам, бабушка, ничего со мной не случится. Я недалеко: до Елисейских Полей и обратно.

– Не пойти ли мне с тобой, дитя мое?

– Нет-нет, не надо! – Она улыбнулась Евгении Петровне, сознавая, сколь многим обязана ей. – Отдохните, а когда я приду, будем пить чай.

Графиня после некоторого колебания отпустила ее, взяв с нее слово быть осторожной, и, опираясь на руку Федора, стала медленно подниматься по лестнице. Нужно упражняться: ступени в их новой квартире куда круче.

Зоя между тем, завернув за угол, остановила такси, надеясь, что шофер знает, где находится нужное ей место, а там, куда она едет, отыщется понимающий человек. Она надеялась на чудо, но упускать единственный, быть может, шанс не хотела.

– В Шатле, пожалуйста, – сказала она таким тоном, словно отлично знала, где это, и молитва ее была услышана; когда же водитель доставил ее по указанному адресу, она дала ему очень щедрые чаевые. Во-первых, за то, что довез, а во-вторых, подумала Зоя, испытывая одновременно и вину, и облегчение, за то, что не оказался соотечественником. Так ужасно было видеть, как петербургские аристократы возят парижан и уныло обсуждают новости из России.

Она торопливо юркнула в подъезд театра, вспомнив при этом, как обещала когда-то Маше сбежать из дому и стать балериной Мариинки. Интересно, что сказала бы Маша о сегодняшней ее авантюре? Зоя улыбнулась и стала оглядываться по сторонам, ища, к кому бы обратиться. Тут она заметила женщину в балетной пачке, разминавшуюся у станка, – по всей видимости, репетитора. К ней она и направилась, объявив:

– Мне нужен господин Дягилев!

– Сию минуту? Нельзя ли узнать, на какой предмет? – улыбнулась та.

– Я – балерина и хотела бы, чтобы он посмотрел, подхожу ли я. – Зоя, до смерти перепуганная собственной отвагой и оттого очень хорошенькая, выложила все свои карты.

– Ах, вот как? А он хоть знает о вашем существовании? – И, не дожидаясь ответа на этот коварный вопрос, женщина сказала: – Однако показываться вам не в чем. В вашем костюме танцевать едва ли возможно.

Зоя растерянно оглядела свою узкую юбку из синей саржи и белую матроску, черные уличные башмачки, в которых она ходила в Александровском дворце, – и вспыхнула от смущения. Женщина улыбнулась ей: она была такая юная, такая неискушенная, такая прелестная, но представить ее на сцене на пуантах было нелегко.

– Извините, я не подумала... Разрешите, я приду завтра? – И полушепотом спросила: – А Сергей Павлович здесь?

– Обещал скоро быть. В одиннадцать часов у него генеральная репетиция.

– Да, я знаю. Я хотела бы поступить к нему в труппу и танцевать в этом спектакле, – выпалила Зоя на одном дыхании, и женщина громко рассмеялась:

– В самом деле? А где вы учились?

– В Петрограде, у мадам Настовой... – Зое не хватило духу солгать и сказать «в училище при Мариинском театре», тем более что Дягилев все равно узнал бы правду. Да и школа Настовой считалась одной из лучших в России.

– Да? Ну а если я дам вам трико и балетки, сможете сейчас показать мне, чему вы там научились?

– Хорошо, – ответила Зоя после секундного колебания. Сердце ее колотилось и замирало, но ей нужна была работа, ангажемент, а все прочее не имело значения. Она умела только танцевать, она хотела только танцевать – значит, надо решаться. Хотя бы ради бабушки.

Атласные балетные туфли были ей не по ноге, и Зоя казалась самой себе ужасно неуклюжей. Как, должно быть, глупо выглядит она на сцене... Наверно, Настова хвалила ее только по доброте душевной... Но вот раздались звуки рояля, и страх стал понемногу исчезать, а вместе с ним и скованность, и стеснение. Зоя начала танцевать, делая все, чему учила ее Настова. Продолжалось все это около часа, и сидевшая за роялем женщина не сводила с нее сощуренных глаз, и на лице ее не отражалось ни одобрения, ни неудовольствия. Пот лил с Зои градом, когда

музыка наконец смолкла. Она присела в поклоне. Глаза ее встретились с глазами репетитора, и та медленно наклонила голову.

– Вас не затруднит, мадемуазель, прийти сюда через два дня?

Зеленые Зоины глаза стали огромными, когда она подбежала к роялю:

– Меня примут?

– Нет... Но здесь будет Сергей Павлович. Послушаем, что скажет он. И остальные педагоги.

– Хорошо, я приду. Туфли постараюсь достать.

– У вас нет своих балеток? – удивилась женщина.

– Все, что у нас было, осталось дома, в России. Отца и брата убили, когда началась революция, а мы с бабушкой бежали... Месяц как мы в Париже. Я должна найти работу, бабушка уже старенькая... А денег у нас нет. – Эти простые слова, стоившие толстых томов премудрых книг, проняли репетитора до глубины души, хотя она и постаралась не показать этого.

– Сколько вам лет?

– Скоро будет восемнадцать. Я занимаюсь балетом с шести.

– У вас талант. Что бы вам ни сказал Дягилев... или другие – не верьте и не давайте себя запугать. Знайте: у вас настоящий дар танцовщицы.

От радости Зоя громко рассмеялась. Не об этом ли счастливом миге мечтала она тогда, в Царском Селе?!

– Спасибо! Спасибо вам! – Ей хотелось броситься этой строгой женщине на шею и расцеловать ее, но она сдержала свой порыв, боясь, что та истолкует его превратно. Она готова на все, чтобы показаться Дягилеву, и ей предоставят эту возможность. Об этом она могла только мечтать... Может быть, и Париж – не такой уж скверный город и понравится ей, если она станет балериной. – Я ведь два месяца не танцевала: «заржавела» немножко. В следующий раз будет лучше.

– Да? Два месяца? В таком случае вы еще одаренней, чем мне показалось сначала. – И она улыбнулась этой красивой рыжеволосой девочке, так изящно и непринужденно стоявшей у рояля.

Тут только Зоя спохватилась, что обещала бабушке скоро вернуться, а прошло не меньше двух часов.

– Ой! Бабушка... Я должна бежать!.. Простите... – И она кинулась переодеваться. Через минуту лебедь вновь превратился в утенка. – Я приду через два дня!.. Спасибо вам за туфли!.. – Она заторопилась к дверям. – А в котором часу?

– К двум. Как вас зовут?

– Зоя Юсупова! – на бегу крикнула Зоя и исчезла в дверях.

А женщина осталась сидеть у рояля, с улыбкой вспоминая, как двадцать лет назад и она впервые танцевала перед Дягилевым... Хорошая девочка эта... Зоя... Сколько же ей пришлось пережить... Конечно, все, что она так бесхитростно рассказала, – правда... Как трудно поверить, что и ей было когда-то восемнадцать... и она была так же полна жизни, как и эта девочка...

Глава 10

В пятницу, в два часа дня, Зоя снова появилась у входа в театр Шатле с ковровой сумкой через плечо – там лежали трико и новые, ни разу не надеванные балетные туфли. Чтобы купить их, пришлось продать часы. Бабушке она не сказала ни слова. За эти двое суток она думала о той волшебной возможности, которая открывается перед нею, и молилась своему ангелу-хранителю, чтобы тот не оставил ее в час испытания... А что, если она не понравится Дягилеву? Что, если Настова обманывала ее и она никуда не годится? Все эти мысли мучили Зою по дороге в Шатле, и она несколько раз готова была повернуться и убежать, но было уже поздно. Женщина, перед которой она танцевала два дня назад, представила ее Сергею Павловичу Дягилеву. А потом Зоя, сама не помня как, оказалась на сцене и стала танцевать, забыв про то, что из зала на нее смотрят строгие судьи. Скованность ее исчезла бесследно: волна музыки подхватила, завертела ее и бережно поставила на место. Комиссия, к ее удивлению, попросила станцевать еще – на этот раз с партнером. И снова Зоя, точно на ангельских крыльях, взмыла в воздух. В общей сложности показ продолжался полтора часа, и, как в первый раз, пот лил с нее градом, а новые туфли безжалостно терзали ступни. И все же Зое казалось – она ничего не весит и может долететь до луны. Сидевшие в партере кивали и что-то говорили – слов она не разбирала. Совещались они целую вечность, и наконец один из них повернулся к Зое и крикнул ей, как о чем-то вполне заурядном и обыденном:

– Так, благодарю вас! В следующую пятницу, в четыре – генеральная репетиция.

И все забыли о ней, а она стояла, и по щекам ее катились слезы счастья. Мадам Настова говорила ей правду, и ангел-хранитель не отступился от нее. Зоя не знала, означают ли эти слова, что она получает ангажемент, а спросить не решалась. Понимала она одно: в пятницу, в четыре часа, состоится генеральная репетиция... А дальше не загадывала.

Ей очень хотелось поделиться своей радостью с Евгенией Петровной, но она знала, что это невозможно. Узнав о том, что ее внучка, графиня Зоя Юсупова, сделается танцовщицей, бабушка придет в неописуемую ярость. Лучше уж пока хранить это в тайне... Вот если ее и в самом деле примут в прославленную труппу, тогда...

Однако на следующей неделе, получив вожделенный ангажемент, она все-таки не утерпела.

– Что-что? – не веря своим ушам, переспросила Евгения Петровна.

– Я показывалась Сергею Дягилеву, и он разрешил мне танцевать в своем балете. Премьера – через неделю.

Бабушка, как и ожидалось, не разделила ее восторга:

– Не сошла ли ты с ума? Танцевать на сцене?.. Что сказал бы твой отец, если бы узнал о таком? – Это был хорошо рассчитанный удар ниже пояса, и Зоя с тоской в глазах посмотрела на бесконечно любимую ею Евгению Петровну.

– Зачем ты так? Папы нет... Он не принял бы ничего из того, что случилось с нами. Однако это случилось. Значит, нужно что-то предпринимать, а не сидеть сложа руки – так мы просто умрем с голоду.

– Ты этого боишься? Напрасно. Сегодня же я закажу тебе двойную порцию. С голоду ты не умрешь. Но и на сцене танцевать не будешь! Вот и весь сказ.

– Буду! – Впервые в жизни Зоя с вызовом взглянула на бабушку. Спорить она осмеливалась только с матерью. Однако уступить сейчас значило отказаться от единственной надежды. Как еще могла она зарабатывать? Продавщицей в магазин она идти не собиралась. Мыть полы, поступить в швейную мастерскую? Идти в модистки и украшать перьями чужие шляпы? Никогда! А больше она ничего не умеет. Рано или поздно придется искать работу, и бабушка знает это не хуже, чем она сама. – Вспомните, какие гроши вам дали за рубиновое колье. Сумеем

ли мы прожить, продавая наши драгоценности?! Все эмигранты занимаются этим. Все равно придется поступать куда-нибудь, так не лучше ли делать то, что я умею и люблю?!

– Твои рассуждения просто нелепы. Во-первых, у нас еще есть деньги. Ну а когда они кончатся, мы найдем достойный способ заработать. Мы обе вполне прилично шьем. Ты можешь преподавать русский или французский, английский или даже немецкий, если немножко поднапряжешься. – Да, в Смольном Зою учили и языкам, и еще множеству других, совершенно бесполезных вещей. – Так что незачем тебе полуголой прыгать на сцене, как... – От досады она чуть было не назвала имя любовницы Николая. – Ну, не важно. Я не позволяю. И все. Кончен разговор.

– Тогда я обойдусь без вашего позволения, – произнесла Зоя тихо, но упрямо: Евгения Петровна даже не подозревала, что она может быть такой.

– Зоя, ты должна слушаться меня!

– Нет, бабушка. Я хочу вам помочь. А помочь могу только этим.

На глаза Евгении Петровны навернулись слезы: для нее танцевать в балете было почти то же самое, что выйти на панель.

– Почему вас это приводит в такой ужас? Вон князь Владимир работает таксистом – неужели это уж так почетно? И чем это лучше, чем танцевать в балете?

– Сравнение неуместное, – сказала бабушка, которая была близка к отчаянию. – Всего три месяца назад он занимал важный пост, а его отец вообще был знаменит на всю Россию. Сейчас Марковский почти нищенствует. Но ему ничего другого не остается, Зоя, он ничего больше не умеет – только водить автомобиль. Его жизнь уже прожита, ему хватает на хлеб – и слава богу! А ты стоишь в самом начале пути! И я не позволю тебе загубить свою жизнь так безрассудно. – Закрыв лицо руками, старая графиня заплакала. – Чем еще я могу тебе помочь?

Зоя впервые видела эту сильную и строгую женщину в слезах; душа ее разрывалась от жалости, но она знала, что будет танцевать в труппе Дягилева, чего бы это ей ни стоило. Ни шить, ни стоять за прилавком, ни давать уроки языков она не собиралась. Обхватив шею Евгении Петровны, она нежно притянула ее к себе.

– Пожалуйста, пожалуйста, не плачьте... Не надо плакать, милая бабушка... Если бы вы знали, как я люблю вас!..

– Любишь? Тогда поклянись, что не выйдешь на сцену! Я умоляю тебя, дитя мое!.. Не делай этого, не ломай себе жизнь!..

Зоя устремила на нее печальный и не по годам мудрый взгляд. За последний месяц она вдруг стала совсем взрослой и прежней девочкой быть уже не могла. Понимала это и Евгения Петровна, хотя еще не собиралась складывать оружие.

– Моя жизнь будет не похожа на вашу, бабушка... Теперь это уже ясно. И тут уж ничего не поделаешь. Назад пути нет, прошлого не воскресить. Надо жить. Надо делать то, что ты должен, – как государь и тетя Аликс. Пожалуйста, не сердитесь...

Бабушка, съежившись и как-то резко постарев, бессильно опустилась на стул и со скорбью взглянула на Зою:

– Я не сержусь, Зоя. Я – в отчаянии. Я чувствую себя совершенно беспомощной.

– Вы спасли мне жизнь, вы увезли меня из Петрограда... из России. Если бы не вы, меня убили бы, растерзали тогда, когда загорелся наш дом... Но историю нельзя переписать заново. Мы должны делать то, к чему призваны. Мое дело, мое призвание – балет. Прошу вас, разрешите мне. Я прошу у вас благословения...

Евгения Петровна, закрыв глаза, только покачивала головой, думая о сыне. Но Зоя была права: Константина не вернуть, как не вернуть и прошлого. Зоя все равно настоит на своем... Впервые бабушка почувствовала, что стара и слаба и что ей не совладать с внучкой.

– Хорошо, я благословлю тебя! Но знай – ты вырвала его у меня, гадкая девчонка! – Она улыбнулась сквозь слезы, грозя ей пальцем, и только сейчас спохватилась: а как же Зоя

добилась просмотра? – Да где же ты пуанты-то раздобыла? У тебя же ни копейки, ни сантима денег!

– Купила! – с озорной улыбкой сказала Зоя. Отец похвалил бы ее за такую находчивость.

– На какие деньги?

– Часы продала. Они были очень уродские, я их не любила. Одноклассницы подарили на именины!

На это Евгения Петровна могла только рассмеяться, одновременно и дивясь на свою необыкновенную внучку, и сердясь на нее. Такой она любила ее еще больше.

– Что ж, спасибо и на том, что мои не додумалась продать!

– Бабушка! Как вы могли такое подумать! – воскликнула Зоя, притворяясь обиженной.

– С тебя станется... Ты еще и не то можешь вытворить...

– Вы говорите в точности как Николай... – грустно улыбнулась Зоя, вспомнив брата. Бабушка и внучка поглядели друг другу в глаза. Неведомый мир открывался перед ними – новые люди, новые принципы, новые ценности. Зоя начинала новую жизнь.

Глава 11

Репетиция балета, в которой Зоя 11 мая приняла участие, была настоящей каторгой – она кончилась лишь около десяти вечера, и Зоя еле доплелась до дома, хотя душа ее была полна ликования. После бесконечных повторений «па-де-де» и «туржете» пальцы ног были стерты в кровь. По сравнению с этой репетицией занятия у мадам Настовой были детскими игрушками: за двенадцать лет она еще ни разу так не уставала.

Евгения Петровна ждала ее в их крохотной гостиной. Они переехали в эту квартиру два дня назад вместе с кушеткой и двумя столиками, лампами под аляповатыми абажурами и ковриком с вытканными по зеленому полю красными цветами. И это вместо обюссоновских гобеленов, мебели в стиле ампир и прочих прекрасных вещей, которые они так любили. Но квартира была удобна, а Федор вымыл и вычистил ее. Вместе с князем Марковским он привез из-за города несколько огромных охапок хвороста, и теперь в плите весело гудело пламя, а на столе стояла чашка горячего чая.

– Ну, дитя мое, как прошла репетиция? – спросила бабушка, в душе все еще надеясь, что Зоя выбросит из головы эту блажь – танцевать в дягилевской труппе.

Но по сияющим глазам внучки тут же поняла, что надеждам этим не суждено сбыться. Никогда еще за все время, прошедшее со дня гибели Николая, не была Зоя так счастлива. Нет, она не забыла ни объятого пламенем особняка, ни рвущихся в ворота громил, но все это уже перестало ее мучить с прежней силой. Усевшись напротив бабушки на неудобный стул, она широко улыбнулась.

– Великолепно, просто великолепно... Но я устала так, что не могу шевельнуться.

Да, она была совершенно измучена, но чувствовала, что мечта ее наконец стала сбываться, и думала теперь только о предстоящей через две недели премьере. Евгения Петровна и князь Марковский с дочерью обещали непременно быть в театре.

– Значит, ты не передумала?

Зоя, устало улыбаясь, замотала головой и налила себе чаю. Сегодня ей сказали, что она будет занята в обоих отделениях, и выдали небольшую сумму в виде аванса. Эти деньги она со смущенно-горделивой улыбкой вложила в руку бабушке, которая прослезилась от умиления. Вот она и дожила до того дня, когда внучка кормит ее... Зарабатывает деньги ей на пропитание, танцуя на потеху публике.

– Что это значит?

– Это вам, бабушка.

– В этом пока еще нет необходимости, – сказала бабушка, хотя голые стены и убогий ковер красноречиво свидетельствовали об обратном. Евгения Петровна и Зоя сильно поообносились за последнее время, а деньги, вырученные за рубиновое колье, были на исходе. Конечно, имелись еще какие-то драгоценности, но на них нельзя существовать вечно. – Неужели ты в самом деле хочешь этим заниматься? – печально продолжала она.

Зоя потерлась щекой о ее щеку, а потом нежно поцеловала ее:

– Да... Да, бабушка. Это так прекрасно...

В ту же ночь, когда Евгения Петровна легла спать, она сочинила Мари длинное, веселое письмо, в котором рассказывала ей и про Париж, и про новых знакомых, и про неожиданно привалившую удачу, умолчав только о том, в какой конуре живет. Она представляла, как будет улыбаться Маша, читая его, как будто поговорила с подругой и излила душу. Она адресовала его в Царское Село доктору Боткину в надежде, что когда-нибудь оно дойдет до адресата.

Утром Зоя снова побежала на репетицию, а вечером германская авиация совершила налет на Париж. Бабушка, Зоя и Федор пережидали бомбежку в подвале – война неожиданно напомнила о себе, но даже ее близость не смогла отвлечь Зою от мыслей о премьере.

Дома она часто заставала теперь князя Марковского. Он непременно приносил с собой какие-нибудь лакомства – фрукты или сласти – и ворох новостей и сплетен. А однажды оставил им свое единственное сокровище – бесценную икону древнего письма. Евгения Петровна, зная, как отчаянно нуждаются они все, не хотела принимать такой подарок – икону можно было продать за большие деньги, – но князь, беспечно махнув длиннопалой холеной рукой, заявил, что на жизнь ему пока хватает. Его дочь уже начала давать уроки английского.

На премьере все они сидели рядом, в третьем ряду партера. Отказался пойти только Федор: хотя тоже был очень горд за барышню, но смотреть балет, его, как он сам говорил, «и калачом не заманишь». Зоя принесла ему программку, где красивым шрифтом было напечатано ее имя. Счастлива была и Евгения Петровна: но, увидев внучку на сцене, она не смогла сдержать слез досады. Она предпочла бы все что угодно, лишь бы Зоя не стала танцовщицей.

– Вы были обворожительны, Зоя Константиновна, – сказал князь, подняв бокал с шампанским, которое сам же и принес после премьеры. – Мы гордимся вами. – Он ласково улыбнулся этой девушке с гривой огненных волос, не обращая внимания на косой взгляд дочери. Она тоже считала, что для графини Юсуповой танцевать в балете – недопустимый «шокинг». Раньше Зоя никогда не встречалась с этой высокой сухопарой старой девой, для которой жизнь в Париже была нескончаемой цепью мучений. Она ненавидела детей – за то, что приходилось учить их английскому, презирала и стыдилась отца – потому что он водил такси, чтобы заработать на кусок хлеба... Зоя, впрочем, не замечала ее недовольства: глаза ее горели, щеки разрумянились, рыжие пряди растрепались и языками пламени вились по плечам. Пережитое волнение, сбывшаяся мечта, пришедший успех делали ее в этот вечер настоящей красавицей.

– Но, должно быть, вы очень утомлены, – продолжал Марковский, осушив свой бокал.

– Нет, нисколько, – ответила Зоя, балетным прыжком оказываясь на середине комнаты. Ей еще хотелось танцевать, каждая жилка ее тела еще трепетала. Спектакль оказался в точности таким, как она мечтала когда-то, и даже превзошел самые смелые ее ожидания. – Ни капельки! – повторила она и выпила еще шампанского, хотя Елена, дочь князя, посмотрела на нее с явным осуждением. Зое хотелось веселиться всю ночь и рассказать им все закулисные истории: ей надо было выговориться.

– Это было волшебно, – сказал князь.

Зое льстили слова этого сдержанного, серьезного и немолодого человека: чем-то он неуловимо напоминал ей отца... Как бы ей хотелось, чтобы отец видел ее сегодняшний успех!.. Конечно, он негодовал бы, но тайно, в самой глубине души, гордился бы ею... И Николай тоже... Со слезами на глазах она поставила бокал на стол и подошла к открытому в сад окну. «Как вы прелестны сегодня», – услышала она шепот князя, повернула к нему голову, и он заметил ее слезы. Его неодолимо влекло к ней, к ее сильному, гибкому юному телу, и, должно быть, желание отразилось в его глазах, потому что Зоя отступила на шаг. Князь был старше отца, и ее неприятно поразило изменившееся выражение его лица.

– Благодарю вас, – спокойно ответила она, испытывая внезапную грусть: в каком тупике они все оказались, как жаждут любви, которая, быть может, хотя бы отдаленно напомнит им навсегда исчезнувший мир!.. В Петербурге он мог бы и не заметить ее или не обратить особенного внимания, но здесь... здесь оба они принадлежали прошлому, цеплялись за него. И для Марковского Зоя была не просто хорошенькой девушкой, а частью былого, способом воплотить его в настоящее. Обо всем этом ей хотелось сказать Елене, чопорно и сухо простившейся с нею.

Раздеваясь и ожидая, когда вернется из ванной комнаты бабушка, она опять задумалась о князе.

– Как мило, что князь Владимир принес шампанского, – сказала Евгения Петровна, причесываясь на ночь. В полутьме лицо ее казалось совсем молодым и таким же прекрасным, как много лет назад. Глаза их встретились в зеркале. Интересно, заметила ли бабушка те явные и

не очень скромные знаки внимания, которые оказывал ей князь, задерживая ее руку в своей, слишком нежно целуя ее при прощании?

– Эта Елена всегда такая печальная? – спросила Зоя.

– Мне помнится, она и в детстве была угрюмой девочкой – этакой букой, – кивнула бабушка, кладя на подзеркальник щетку. – Братья были много интересней, походили на Владимира, особенно старший, тот, кто сватался к Татьяне. Владимир тоже очень хорош собой, как по-твоему?

Зоя отвернулась, но сейчас же вновь прямо взглянула на Евгению Петровну:

– Мне кажется, бабушка, я ему... нравлюсь, слишком нравлюсь.

– Как прикажешь тебя понимать? – нахмурилась бабушка.

– Я хочу сказать, – Зоя совсем по-детски залилась краской, – он... он брал меня за руку... А может быть, все это глупости... и просто мне показалось...

– Ты красива, Зоя, и, наверно, пробудила в его душе какие-то воспоминания... Знаешь, они с Константином в юности были очень близки, а он был сильно увлечен твоей мамой... Не принимай это слишком всерьез. Он так внимателен к нам. С его стороны было очень любезно зайти поздравить тебя с дебютом. Он просто хорошо воспитан, дитя мое, и учтив.

– Возможно, – ответила Зоя, явно не желая продолжать этот разговор.

Они погасили свет и легли на кровать – слишком узкую для двоих. Лежа в темноте, Зоя слышала, как храпит за стеной Федор, и, вспоминая о волшебном дне, прожитом ею, стала погружаться в сон.

Однако уже на следующее утро ей пришлось убедиться, что дело было не в учтивости князя Марковского. Когда она, спеша на репетицию, сбежала по лестнице, он ждал ее внизу.

– Вы позволите вас подвезти? – спросил он, протягивая удивленной его появлением Зое цветы.

– Нет, не стоит... мне не хочется вас затруднять... – Зое хотелось пробежаться до театра, под взглядом князя она чувствовала себя неловко. – Спасибо. Я пойду пешком.

Погода была прекрасная, Зоя радовалась, что опять будет репетировать с дягилевской труппой, и ей ни с кем не хотелось делить эту радость – и уж меньше всего с красивым седовласым князем, галантно протягивавшим ей розы, белые розы. От этого ей стало грустно – весной Маша всегда дарила ей такие. Но он этого, разумеется, знать не мог. Он и вообще ничего не знал о ней – он ведь дружил с ее родителями. Она вдруг заметила, что пиджак его заштопан, а воротник сорочки сильно потерт, и почему-то сильно огорчилась. Да, как и все остальные, князь бросил в России все, а унес ноги, немного бриллиантов и ту самую икону, которую подарил им.

– Вы заглянете к бабушке? Она будет вам очень рада, – любезно сказала Зоя, но Марковский посмотрел на нее с обидой:

– Вы, стало быть, записываете меня в друзья к Евгении Петровне? – Зоя не произнесла «да», но слово это подразумевалось. – Вы, Зоя Константиновна, верно, считаете меня древним старцем?

– Я?.. Нет... Ну что вы... – залепетала Зоя. – Простите... Я опаздываю...

– Вот я и предлагаю вас подвезти, а доро#гой поговорим.

Зоя заколебалась, но времени у нее и впрямь оставалось в обрез. Князь распахнул перед нею дверцу, Зоя забралась на переднее сиденье, положив рядом белые розы. Как это мило с его стороны, хотя такой букет стоит порядочных денег... Немудрено, что Елена сердится...

– Как поживает ваша дочь? – спросила она, избегая его взгляда. – Вчера вечером мне показалось, что она грустит.

– Ей плохо здесь, – вздохнул Марковский. – Да и кому из нас хорошо? Перемены произошли столь разительные и внезапные, что никто не успел подготовиться... – Произнеся эти

слова, он вдруг свободной рукой дотронулся до руки Зои: – Дорогая моя, как вы считаете: я слишком стар для вас?

Зоя осторожно выпростала руку из-под его ладони.

– Вы были другом моего отца, – прерывающимся голосом сказала она, печально взглянув на князя. – Нам всем здесь очень трудно, мы все цепляемся за свое прошлое, за прежнюю жизнь, которой больше нет... Думаю, я для вас – всего лишь часть этой жизни...

– Вы правда так думаете? – улыбнулся он. – А вам говорили, Зоя, что вы обворожительны?

Зоя вспыхнула до корней волос.

– Благодарю вас... Но ведь я моложе, чем ваша дочь... Я уверена, она будет очень огорчена... – Вот и все, что пришло ей в голову в эту минуту. Она не могла дождаться, когда они наконец доедут до Шатле.

– У Елены – своя жизнь. У меня – своя. Мне бы очень хотелось как-нибудь пообедать с вами – у «Максима», например. – Все это было настоящим безумством: шампанское... розы... самый дорогой парижский ресторан. Они жили впроголодь, князь работал таксистом, она танцевала в балете: как мог он тратить те жалкие крохи, которые зарабатывал, на подобные роскошества?! У Зои язык не поворачивался сказать ему, что князь Владимир Марковский безнадежно стар для нее.

– Мне кажется, бабушка не... – начала было она, виновато глядя на него, но он все же обиделся:

– Вам лучше проводить время, Зоя Константиновна, с человеком вашего круга, чем с каким-нибудь юным болваном...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.